

Служу России и Спецназу

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

**Взвод
специальной
разведки**

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников

Взвод специальной разведки

«ЭКСМО»

2004

Тамоников А. А.

Взвод специальной разведки / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2004 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-17271-8

Горы и ущелья Афганистана. Песок, раскаленный зной. Залпы тысяч орудий... Душманы ведут жестокую войну против советских войск. В очередной схватке с «духами» у одного из блокпостов взвод специальной разведки во главе со старлеем Александром Калининым лицом к лицу столкнулся с отрядом коварного Амирхана. Первое сражение с врагом окончилось победой нашего спецназа. Но Амирхан – опасный противник. Он придумал хитрый план нового нападения. В ход на сей раз пойдут реактивные снаряды, которыми расстреливают советскую военную базу, офицеры в качестве заложников и даже один предатель из числа наших «спецов»...

ISBN 5-699-17271-8

© Тамоников А. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Тамоников

Взвод специальной разведки

Пролог

Афганистан. Ущелье Кидраб. Июль 1983 года. Полдень. Командир взвода специальной разведки отдельного разведывательного батальона старший лейтенант Александр Калинин со своей позиции на южном склоне наблюдал за одиноким орлом, парящим в синем, без единого облака, небе. Полет птицы был красив и величав. Хозяин неба. Вот только что он высматривал внизу? Что мог увидеть? Жизнь в ущелье замерла, скованная знойным подрагивающим маревом. Вся живность, от голосистых по ночам шакалов до быстрых и коварных скорпионов, спряталась в норах.

Глаза заслезились, и офицер опустил их. Осмотрелся. Вокруг раскаленные пятидесятиградусной жарой камни. И тишина, нарушаемая легким шелестом обмелевшей речки Кидрабки, несущей свои оскудевшие воды отдельными ручьями по руслу, окаймленному с противоположной стороны жидкой полоской невысокого кустарника. Такой же кустарник, но разбросанный среди огромных валунов и камней, и под позицией офицера. Жара! А за перевалом заснеженные вершины. Странно как-то и нереально. В ущелье пекло, а чуть выше снег, искрящийся серебром в лучах стоящего в зените полуденного солнца. Там, на вершинах большого хребта, прохладно. Там, но не здесь, где воздух обжигал не меньше раскаленных камней! И казалось, в ущелье людей просто не может быть. Тем более на удалении от ближайшего афганского кишлака в несколько десятков километров. Но они были, замершие в ожидании, как и все вокруг.

Взвод Калинина находился здесь – двадцать четыре бойца подразделения войскового спецназа. Они заняли этот участок ущелья, совершив небольшой маневр, и сейчас подразделение было сосредоточено в четырех местах. На двух хребтах по отделению, с одним из которых находился и сам взводный, восточнее – группа для предотвращения прорыва противника в сторону Пакистана и западнее – разведывательный дозор там, откуда с перевала и ожидалась банда моджахедов. Александр взглянул на часы. Как же медленно тянется время. И сколько еще ждать, одному богу известно. Может, час, может, сутки, а возможно, и считанные минуты. Задачу взводный имел конкретную: встретить и разгромить одну из банд кровавого Амирхана, обстрелявшую реактивными снарядами систем залпового огня основные объекты Уграмской военной базы. Разгромить, при этом захватив живым предателя-проводника, бывшего сослуживца Калинина, не допустив, по возможности, потерь со своей стороны.

Взводный вновь оглядел местность. В Кидрабском ущелье все пока было тихо. Старший лейтенант посмотрел на штатного связиста. Тот, обняв свою рацию Р-148, спал. Спал, когда уснуть практически невозможно. Но, взмокнув от пота, рядовой Поручиков спал. Возможно, и сны видел. Эх, покурить бы сейчас. Офицер взглянул на пачку сигарет «Охотничьи», которую выложил на камень. Табак просох, наверное, до хруста. Не слабее сигар будет. Но... курить нельзя! Калинин засунул пачку обратно в карман мабуты – облегченной полевой формы. Вновь поднял голову вверх, надеясь увидеть орла. Но того на небе не было. Наверное, надоело без толку летать, забился куда-нибудь в пещеру. Старший лейтенант вытер носовым платком лоб. Жарко! А если банда не появится до вечера? Тогда здесь, в ущелье, и с ума сойти можно! Офицер вздохнул. И тут неожиданно пропищала рация, заставив связиста вздрогнуть. Он резко поднял голову, глядя помутневшим взором на радиостанцию. Левая щека его покраснела. Зря он прислонился к металлу, вот и обжег. Надо же так спать, чтобы ничего не чувствовать! Рядовой тем временем ответил:

– Олень-1 на связи! Что? Понял, понял! Передаю!

И взглянул на офицера:

– Вас, товарищ старший лейтенант! Разведывательный дозор!

Калинин приложил наушник к уху:

– Я – Олень-1, слушаю тебя, Олень-2!

Начальник передового дозора взволнованно доложил:

– Есть, командир, духи! Появились на хребте прямо у расщелины.

Старший лейтенант спросил:

– Спуск не начали?

– Начали! Только что!

– На тросах что-нибудь спускают?

– Нет! Лебедки на скале не используют. Пошли расщелиной.

– Ясно! Следи за спуском духов да считай их, а также на вооружение смотри, понял?

– Понял!

– Как весь бандитский шалман спустится и начнет движение по ущелью, оставь пару наблюдателей на прежней позиции, остальным личным составом следуй за ним! В случае чего заблокируешь западное направление! Ясно?

– Так точно!

– Выполняй!

Бросив ларингофон связисту, командир взвода спецназа достал из кармана зеркальце. Послал на противоположный склон солнечный зайчик. Это означало команду готовности к бою. Ему ответили тем же. Убедившись, что на противоположной стороне его поняли, крикнул находящемуся справа бойцу третьего отделения:

– К бою!

Сам же старший лейтенант установил удобнее пулемет, прильнув к прикладу. Вот-вот должен появиться противник, и стрельба Калинина станет для всех сигналом на открытие огня по врагу.

По докладу разведывательного дозора банда, относительно быстро спустившись, разделилась на две группы. Душманы, видимо, сделали привал на вершине перевала, так как сразу же начали движение, прижимаясь к обоим склонам.

Старший лейтенант перевел бинокль на утес, откуда из-за небольшого поворота вскоре должны были появиться моджахеды. И он увидел их. Сначала тех, кто шел колонной вдоль кустарника южного склона, затем и остальных. Выйдя на прямой участок, они остановились. Но не для отдыха, а для того, чтобы, как и положено, выслать вперед боевой дозор.

Группа из пяти моджахедов быстро пошла по ущелью.

Калинин вызвал командира группы прикрытия восточного направления:

– Крюк! Слышишь меня?

– Слышу, командир!

– К тебе идет передовой дозор духов, пять человек!

– Появились, суки?

– Появились! При подходе внимательно взглядишь в рожи этих аборигенов. Не пропусти нашего козла. Вряд ли он пойдет впереди, но все же!

– Понял! А если его среди дозорных не будет?

– Тогда вали всех! Но после того, как мы начнем отработку основной группировки. Если же дозор подойдет к тебе раньше, пропусти и пошли следом двух парней.

Сержант Крючков ответил:

– Я все понял, командир!

Бандиты, дождавшись, пока их разведка скрылась за следующим поворотом, продолжили марш. Длился он недолго.

Уже через минуту боевики вошли в зону гарантированного поражения взвода спецназа. Как ни старался Калинин вычислить среди душманов предателя, ничего у него не получилось. Все духи были на одно лицо, в типичных национальных костюмах, неизменных нуристанках на головах, с бородами и бородками. Да и смотрел на них старший лейтенант сверху. По идее, проводник-предатель и командир отряда душманов должны находиться в середине колонны. Но в какой из двух, левой или правой? Скорее у южного склона, ближе к кустам и валунам, а там черт их знает. Конечно, желательно взять бывшего сослуживца, переметнувшегося к духам, живым, но, если ребята и завалят его, ничего страшного, все одно подышать предателю. Калинин навел ствол пулемета на переднего боевика колонны,двигающейся ближе к северному склону, прицелился, нажал на спусковой крючок.

Длинная очередь «РПК» разорвала тишину ущелья. И тут же склоны взорвались автоматными очередями. Внизу гулко бухнули разрывы зарядов подствольных гранатометов. И все же массированным обстрелом бойцам спецназа не удалось сразу уничтожить всю группировку.

Часть банды успела юркнуть кто в кусты, кто за камни, открыв слепой ответный огонь.

Взводный пустил красную ракету, приказывая прекратить обстрел ущелья, и, тут же взяв автомат, пустил вверх очередь трассирующих пуль. Они были неплохо видны даже днем на фоне синего безоблачного неба. Это был приказ вступить в бой снайперам и отдельным, ранее назначенным стрелкам. Они должны спокойно, без суеты, ведя выборочный огонь, уничтожить все еще огрызающиеся стрельбой остатки банды.

В это же время на связь вышел сержант Крючков. Он доложил, что встретил передовой дозор духов. Те подошли вплотную к позициям спецназа как раз в момент начала штурма основных сил. Так что с разведкой моджахедов проблем не возникло. Завалили всех одним залпом.

Калинин спросил:

– Предателя среди них не было?

– Нет! Чурбаны одни, проверил лично.

Старший лейтенант приказал:

– Оставайся на месте! Возможно, кто-то из банды сумеет пробиться к вам! Встретишь!

– Все понял!

– Работай, Крюк!

Огонь снайперов сделал свое дело. Ответная стрельба душманов постепенно затихла.

Калинин приказал отделениям, находящимся на склонах, спуститься вниз и прочесать дно. Но, как только бойцы спецназа вышли к реке, с западного фланга вновь ударил автомат. Его огнем зацепило в ногу одного солдата. На моджахеда сразу же перевели огонь бойцы третьего отделения, раскрошив редкий и низкий кустарник. Старший лейтенант приказал прекратить стрельбу и укрыться.

Калинин решил взять живым этого ретивого духа. Тем более позиция того находилась совсем рядом, а сам Александр оставался для душмана невидимым, прикрытый крупным камнем. Офицер же видел противника, его нуристанку и бородку, так что легко мог вколотить в череп бандита с десятков пуль. Но вместо этого сознательно начал стрелять мимо. То очередь влево, то вправо, то перед боевиком, то за ним. Тот засек вспышки очередей Калинина. Поняли душман, что с ним попросту играют, или нет, но он начал длинными очередями стрелять в сторону камня, за которым укрывался советский офицер. Вскоре стрельба затихла. У духа кончились патроны. Но, может, остались еще магазины? Что уже никакой роли не играло.

Броском Калинин достиг позиции противника. Тот отчаянно пытался перезарядить свой «АКМ». Он явно не намеревался сдаваться. И это было очень не похоже на поведение тех моджахедов, с которыми ранее в бою встречался командир взвода. Те поднимали руки, как только осознавали бесполезность дальнейшего сопротивления. Этот же дрался до конца. Почему? Фанат? Или настолько обagrившая себя кровью личность, что плен для него хуже смерти?

Калинин дал очередь перед моджахедом. Душман, бросив автомат, упал ничком, видимо, ожидая выстрела в затылок. Но старший лейтенант не стал стрелять.

Он приблизился к бандиту, встал над ним. Рубаха и широкие штаны боевика порваны, но крови видно не было. Подошли и солдаты.

Взводный приказал перевернуть моджахеда на спину.

Душман оказался лицом к лицу со старшим лейтенантом. Последний устремил на бандита взгляд, полный изумления.

– Ты?!! Живой?!! Ах, скотина!.. Против своих?..

Глава 1

Советская военная база возле Уграма. Расположение отдельного разведывательного батальона. Май 1983 года. 17.00 местного времени.

Командиры взводов роты специальной разведки находились в своем рассчитанном на четверых отсеке общего батальонного офицерского модуля. Старшие лейтенанты Александр Калинин и Семен Листошин, раздевшись до трусов и устроившись на кровати Калинина, играли в нарды. Эта восточная игра им порядком надоела, но шахматы и шашки надоели еще больше. Иное дело карты – расписать тысячу под хороший интерес, да за фляжкой медицинского спирта. Но для игры в карты двух человек недостаточно, а ротный с заместителем бродят где-то по базе. И появятся скорее всего перед ужином. Листошин захлопнул доску. Перепрыгнул на свою кровать, улегся, сложив руки под головой.

Калинин бросил доску на кровать командира роты, закурил.

Листошин, глядя в потолок, спросил:

– Что делать будем? В карты завяжемся после ужина или в клуб завалимся?

– Чего там смотреть? Опять какую-нибудь ерунду покажут. Типа «Волга-Волга».

– Не-е! Я слышал, там сегодня «Дело было в Пенькове».

– Еще не лучше. В какой раз это «Дело...» крутят?

– Раз в пятый!

– Надо начальнику клуба жало поправить, чтоб нюх не терял, а новые фильмы возил.

Листошин безразлично проговорил:

– А толку? Он под замполитом ходит. А политрукам нашим сам знаешь, что главное. Чтобы мы облик свой моральный не потеряли. А заикнись против, так замполит вообще «Чапая» каждый день прикажет крутить.

– Говорят, со дня на день наш политрук повышения ждет.

– Быстрее бы свалил. Задолбал вконец!

– Другой, думаешь, лучше будет?

– Может, и не будет, но другой! Этот надоел хуже горькой редьки. Идеолог хренов. За полтора года с небольшим от силы в двух-трех выходах участвовал, да и то за спиной командиров рот, а два ордена Красной Звезды да пару медалей «За боевые заслуги» на грудь повесил. Вояка!

Калинин повернулся к другу:

– Да ты никак, Сень, завидуешь?

– Не завидую, а возмущаюсь. Вот мы с тобой за год только по «Звезде» и получили. Да и то после десятка акций, где непосредственно давили духов, а политрук кого давил? Комаров на физиономии? Несправедливо это!

– Остынь! Черт с ним, с замполитом. Так что делать-то будем?

Листошин мечтательно закатил глаза:

– К бабам бы! В госпиталь. Там новеньких сестричек подвезли. Куколки, мужики говорили. Надо бы забить парочку, а то десантура с летунами всех разберут. Они ребята ушлые и стоят рядом!

Калинин успокоил:

– На твою долю хватит!

– А на твою?

– Я женат, Сень!

Листошин аж привстал:

– Во дает! А я нет? Только на войне, Саня, законы другие. Здесь тебе не Союз, где супруга под боком. Тут духи под боком. Да смерть костлявая рядом с ними. Тут каждый день жизни –

подарок. А куколки – это не прихоть, а естественная необходимость. Понятно, что не с каждой без литра водки в кровать завалишься, поэтому и надо застолбить территорию, пока не поздно!

Калинин внимательно посмотрел на боевого товарища:

– Ты это серьезно, Семен?

Командир второго взвода ответил категорично:

– Абсолютно!

– А не думаешь, что и твоя супруга в Союзе так же думает? И тоже хахаля на стороне норовит отхватить?

Листошин усмехнулся, но как-то невесело:

– Норовит, говоришь? Нет, друг мой Саша, не норовит, а наверняка уже отхватила. И живет с ним, не открыто, конечно, все же мать с дочерью рядом, но встречается точно! И ни хрена не подделаешь. Бабы все одинаковы. Как, впрочем, и мужики. Ты только не обижайся, Саш! Может, твоя какая особенная и действительно верно ждет тебя, такое тоже бывает, хотя и очень редко, но моя не такая. Она обычная женщина, нуждающаяся в мужской ласке, чего я ей в силу настоящих обстоятельств дать не могу. И она мне ласки дать не может. Отсюда вывод – следует решать проблему каждому самостоятельно. Логично?

Калинин согласился:

– Да, Сеня, логика в твоих словах, конечно, есть! Только эта логика какая-то... как бы тебе сказать...

Листошин прервал друга:

– Ничего не надо объяснять! И так все ясно. Значит, так и будешь монахом ходить?

– Достал ты меня, Сень!

– Нет, ты ответь!

– Вообще-то вечеринку с дамами организовать можно. Не шарахаться же от женщин. А там видно будет.

Семен поднялся на кровати:

– Ловлю на слове, Сань! Короче, в ближайший выходной в батальоне намечается поездка в Уграм за шмотками, аппаратурой, мы тоже поедем. Затаримся приличным пойлом втихаря, так, чтобы народ не видел, и вечером в госпиталь. К Галке из хирургического отделения. Она устроит все остальное. Идет?

– И на чем до госпиталя добираться будем? Не пешком же 15 километров топать? И это в одну сторону.

Листошин покачал головой:

– Нет, Сань, ты как будто вчера на свет родился. На чем поедем? На БРДМ, конечно, другой техники у нас с тобой нет. А бронированная разведывательно-дозорная машина – самое то. И скоростная, и проходимая. И не спрашивай, как мы ее из парка выгоним. Это моя забота. С ротным тоже я улажу. Чего только ради друга не сделаешь! Так договорились?

Калинин махнул рукой:

– Договорились, черт с тобой! Все равно не отстанешь.

– Это точно! Может, сейчас по пять капель на грудь примем? Все веселее станет. У меня есть фляга в заначке.

– Нет, Семен, да и не пойдет спирт в такую жару!

Листошин согласился:

– Да, жара, мать ее!

Дверь отсека отворилась. На пороге появился командир роты капитан Новиков. Прошел к своей кровати. Сбросил нарды на пол, сел на матрас, откинувшись к стене, пожалуй, единственному прохладному в металлическом ангаре месту, проговорив:

– Ну и духота. Дышать нечем! Пойти душ принять?

Листошин заметил:

– Ты бы лучше к заместителю по снабжению сходил. В других кубриках кондиционеры ставят, сам видел, а нам?

Командир роты пояснил:

– Я уже поднимал этот вопрос. Кондиционеров на всех не хватает, поэтому решено поставить их в штабных модулях да в кубриках, где обитают по восемь и более офицеров.

– В штабных, говоришь? Конечно, кто у нас больше всего перетруждается, так это штабисты. Потеют, бедные, бумажки перекладывая. Особенно замполит с парторгом. У этих работы выше крыши.

Новиков оборвал подчиненного:

– Все, Лист, хорош бакланить! Надоело слушать одно и то же. Смени тему!

– Базара нет! Мы вот тут с Саней решили в воскресенье в Уграм мотнуться. Шмотки какие присмотреть. Ты отпускаешь?

– Ну, раз решили, куда ж я денусь? Если, конечно, в воскресенье спокойно все будет и комбат разрешит выезд.

– Это само собой. Только мы с Калининым потом в госпиталь рванем. А там, как предполагаю, и до утра задержаться можем.

Командир роты, хитро сощурив глаза, спросил:

– Решили пешочком тридцать километров прогуляться?

Но Листошин, выставив перед собой ладонь, ответил:

– Зачем пешочком? Пешочком по девкам пусть молодняк бегают. А ты нас в воскресенье, часов этак в восемнадцать, официально к артиллеристам отправишь. Сверить разбивку карт. А то в последний раз огонь вызывали по одному участку, а «боги войны» ударили по другому. Рядом, но по другому. Это, командир, непорядок. Вот мы с Сашей артиллеристов и навестим на штатном БРДМ, от их штаба до госпиталя совсем близко. Комбат с замполитом и зампотехом на выходные наверняка в штаб дивизии слинянут, ну а с зампотылом разберемся. Как план?

Ротный покачал головой:

– Деловые все стали! План нормальный, только... учтите, я с вами!

Калинин рассмеялся:

– И чего ты, Лист, распинался?

Листошин потер руки:

– Эх, братухи, чувствует мое сердце, и не только оно, гульбанем мы в воскресенье на всю катушку. Лично я оторвусь по полной!

В отсек вошел заместитель командира роты старший лейтенант Алексей Гудиллов. И тут же посоветовал:

– Вы бы на полтона ниже взяли. А то о ваших планах в коридоре слышно.

Ротный спросил:

– Сам-то где задержался?

– В штаб ходил. К помощнику начальника штаба.

– Чего там забыл?

– А вот новость интересную узнал!

Заместитель ротного прошел к столу, выложил купленные в палатке военторга сигареты и пару бутылок кока-колы.

– И новость, скажу вам, весьма неплохую! Завтра в батальон прибывает новый замполит.

Калинин с Листошиным приподнялись на койках:

– Да ты что? А этого куда?

– В штаб армии!

– Пробил-таки себе теплое местечко перед заменой.

Ротный заметил:

– Ему и тут не хреново было. Но повышение есть повышение, значит, и в Союз заменится куда-нибудь в Политуправление округа.

Листошин покачал головой:

– Ну и жучара! Парторга с собой не тянет?

Гудилов ответил:

– Нет! Секретарь партийного бюро, как и комсомолец части, остается на месте.

– А про нового ничего не известно?

– Только то, что двигает сюда прямо из академии!

– Студент, короче!

– Не скажи! До академии майор служил в этом самом Афгане, замполитом линейного пехотного батальона. Кавалер ордена Красной Звезды.

Калинин удивился:

– Ну, наш тоже «кавалер», и это ни о чем не говорит, но вот зачем он сюда на второй срок прибыл?

– А что, разве мало таких?

– Хм! Повторно в Афган лишь по личной просьбе направляют. Выходит, мужик сам напросился? Интересно.

Подавал голос Листошин:

– Да ладно тебе, Александр, раскладывать. Все одно этот замполит у нас долго не задержится.

Ротный поинтересовался:

– Это почему?

Семен охотно объяснил:

– Потому что он – майор, и должность замполитовская в батальоне майорская. И в академию он тоже майором пошел. Ерунда получается. Скорее всего, пока подполковничьей должности в их департаменте нет, вот и направили временно к нам. А как появится возможность, рванут вверх. Да, у нас по соседству в десантном полку замполит тоже к замене готовится.

Командир роты прервал тему:

– Хватит гадать! Узнаем скоро, что к чему! – И повернулся к заместителю: – Что еще нового в штабе слышно?

Гудилов хитро улыбнулся:

– А еще в штабе график отпусков перетрясли.

Это заинтересовало всех офицеров.

– Ну-ну, и ты узнал график?

– Конечно! Ротный и я отгуляли свое, Лист – в декабре, а вот Калинин – везунчик. Ему уже пора паковать чемоданы.

Калинин удивленно спросил:

– В смысле?

– В прямом, Саня, у тебя отпуск с шестого июня.

– Ты это серьезно? Я был определен на сентябрь.

– Сходи в штаб, сам узнай, хотя завтра на построении этот новый график до всех офицеров доведут.

Листошин взглянул на друга:

– Нормально. Готовься, Саня, к отвалной!

– Разве это проблема? Но почему график изменили?

– Да тебе какая разница? Радуйся, что из пекла этого в свою Рязань свалишь.

– Я-то радуюсь, вот только и супруга, зная, что приеду в сентябре, свой отпуск на этот же месяц запланировала. Собирались в Крым махнуть, к ее родственникам.

– Это после Афгана и на юга?

– Я же сказал, к родственникам!

Ротный посоветовал:

– Сегодня только одиннадцатое мая, напиши жене, попросит начальство – перенесут отпуск. На «гражданке» не у нас, там это легко, тем более причина более чем уважительная – муж из Афгана возвращается.

Калинин задумался.

Отпуск в июне – это, конечно, хорошо, и Риту предупредить можно, она что-нибудь решит со своим отпуском. Вот только не изменится ли опять что-либо в штабе? Возьмут и перенесут отдых опять на осень, в какое положение он жену поставит? Нет, ей ничего сообщать не надо. Как отпустят, так он и приедет. В принципе, навестить родителей Маргариты и недели хватит, а на это время она и за свой счет отпуск взять сможет. Да, не стоит ей ничего сообщать!

Около шести вечера по дороге недалеко от параметра проволочного заграждения разведывательного батальона прогрохотала гусеничная колонна.

Листошин указал рукой на окно:

– Десантники на свой блокпост пошли.

И обратился к командиру роты:

– Володь, вот ты ротный, начальник, скажи мне, за каким чертом выставлен блокпост у Аяда? Да еще на удалении почти в двадцать километров от основной базы? Впереди кишлак, сзади мост, по сторонам входы в ущелья, левее в Карскую «зеленку». Что за стратегически важный район прикрывает это стрелковое полевое сооружение?

Ротный отмахнулся:

– Это дела десантного полка!

Но командир второго взвода не унимался:

– Правильно, дела десантуры, но на хрена именно ТАМ блокпост? Это же какая цель для духов? И они пользуются этим. Сам знаешь, редкие сутки без обстрела обходятся.

Новиков повысил голос:

– Лист, отвали! Я тебе что, командующий? Или командир дивизии? Решили в штабе выставить пост – выставили! Тебе что за забота?

– А то, что у нас все через ж... делается! Каждый день выгоняют роту черт знает куда, те ночью отбиваются от наскоков духов. Причем моджахеды уже и атакуют пост по привычке, словно на полигоне упражнения отрабатывают. А их снайперы доллары зарабатывают. Снимут одного-двух солдат – и нормально. Бордель, твою мать!

Калинин заметил:

– Вся эта война, Лист, бордель сплошной. За каким чертом мы вообще сюда заявились? Жили же нормально с афганцами? И при шахе, и без него. И какая разница, кто у них к власти пришел? Тараки, Амин или Кармаль. Главное, нам-то, Союзу, Афганистан не угрожал. Нет, надо было непременно интернациональную помощь оказать. Кому? В чем? Оказали, и что в итоге? А в итоге война. А ты о каком-то отдельно взятом ротном укрепленном пункте базар ведешь! Тут во всем хрен чего получается. А он про блокпост! Его снять можно, а вот остановить войну тяжеловато будет. Влипли мы в нее по самые яйца!

Ротный прервал разговор подчиненных:

– А ну, отставить! Вы еще подобные беседы с личным составом проведите. Особисты в момент за жабры возьмут. Так что, товарищи офицеры, попрошу действия верховной власти, а тем более приказы вышестоящего командования не обсуждать. Или обсуждать, но под одеялом, так, чтобы вас никто другой не слышал. Ясно выразился?

– Ясно!

Калинин начал облачаться в спортивный костюм. Листошин спросил:

– Далеко собрался, Сань?

– Прогуляюсь.

– Я с тобой, подожди!

Вскоре оба взводных командира покинули офицерский модуль. Снаружи по-прежнему было жарко, но уже не так душно. Они прошли до дощатого барака, где располагалась их первая рота. Посмотрели, чем занимается личный состав, а тот перед ужином под бдительным оком старшины чистил штатное оружие. Направились к клубу. Подошли к большому модулю, как раз когда оттуда вывалился капитан Ерохин, начальник клуба. Вячеслав находился, как пишется в рапортах, в состоянии опьянения средней степени – стоять еще мог, а вот говорил уже с трудом. Увидев офицеров спецназа, развел руки, словно встретил родных людей:

– А, спецы! Друганы! Вы кстати! Я тут слегка приложился. В отсеке еще осталось, компанию не составите?

Листошин положил руку на плечо Ерохину, от чего того качнуло:

– А тебе не хватит на сегодня, Ероха?

– Да пошло оно все на хер! Кто мне че сделает? Комбат? Пацан он еще!

Ерохину было сорок четыре года. Свои положенные двадцать пять календарных лет он уже отслужил, поднявшись по карьерной лестнице до капитана. Хотя нет, когда-то он носил и майорские погоны. По крайней мере, так говорил их всезнающий заместитель командира роты Гудиллов. И был Ерохин замполитом батальона где-то в Карелии. Но, видимо, не совсем правильно понимал политику партии и правительства, раз слетел до капитана, о чем особо не тужил, плюнув на всех и вся, подав рапорт на увольнение. Но кто-то в штабах решил по-другому, и Славика отправили дослуживать положенную выслугу в Афган. Что тоже не огорчило капитана. Семья у него распалась еще в начале службы, другой не завел и жил бобылем. Где-то в деревне от родителей остался дом. Так что крыша над головой имелась, а пенсия вполне обеспечивала его существование на «гражданке».

Ерохин переспросил:

– Ну, так чего, Калинин? Лист? Пошли омолодимся?

Семен, не отнимая руки, проговорил:

– Ты, Славик, уже, наверное, до пеленок сегодня омолодился. Кто кино крутить будет?

– А я вам что, кино... – он икнул, – киномеханик? Это его дела! А вы собираетесь это «Пеньково» смотреть?

– Ты же ничего новее не возишь.

Ерохин вдруг предложил:

– А хотите, мужики, порнуху посмотреть?

Листошин заинтересовался:

– Каким это образом?

– Хм, каким? Простым. У меня видак в отсеке стоит. Я как в прошлый раз в Уграм катался, так у одного духа пару кассет на гранату выменял.

Офицеры переглянулись, спросив в один голос:

– На какую гранату, Слава?

Ерохин поднял указательный палец правой руки вверх, шмыгнув носом:

– Не ссать, все нормально. Граната учебная, она у меня чуть не год под койкой валялась. Вот я дуканщику ее и спихнул. А взамен... – пьяная физиономия начальника клуба расплылась в похотливой улыбке, – а взамен он мне две такие кассеты дал! Как вставил в аппарат да включил, обалдел... Мама моя, я такого в жизни не видывал. Прямо на экране сношаются, и все в открытую, во всех мельчайших подробностях. Там один эпизод...

Листошин перебил капитана:

– Все ясно, Ероха! Ты вот что, пойди часок отдохни. А после ужина, как раз когда «Пеньково» твой механик крутить начнет, мы к тебе и подвалим. Тогда и порнушку поглядим, и спиртику хлебнем! Лады?

– Ну, какой разговор?!

– Идем, мы тебя до офицерского модуля проводим!

Но Ерохин уперся:

– Не-е, туда не пойду! Зачем рисоваться? Я у себя наверху буду.

– Уснешь ведь, не разбудим.

Капитан согласился:

– Может быть и такое, но... если не открою, знайте. У пожарного щита полоса металлическая стоит. Просунете ее в щель снизу. Понятно? Снизу, а не сбоку, и ударите по штырю, вход и откроется.

– А чего это ты с запором намудрил?

Ерохин усмехнулся:

– Так все от замполита, мать его. Как вечер, так шарится по батальону, все вынюхивает чего-то. Я вот, помню, куда не надо не лез, не мешал командирам.

– За что и поплатился!

– Поплатился я за другое: начальника политотдела дивизии проституткой обозвал и послал очень далеко и прилюдно, но... это отдельная и не интересная вам история. Так вот, замполит наш постоянно в клуб ныряет, будто там медом намазано. Хочет меня подшофе зацепить. Ну и пришлось идти на хитрость. Сейчас, бывает, придет, постучит, я молчу, он пытается дверь вторым ключом открыть, а тут хрен ему на всю рожу. Замок открывается, а дверь ни с места. Только, мужики, это между нами!

Листошин успокоил начальника клуба:

– Все нормально, Слава, ты нас знаешь!

– Поэтому и разговариваю. Другим Ерохин и руки не подал бы, особенно штабным и тыловым крысам. Ну, ладно, что-то вы, ребята, двоиться в глазах начали, погнал я в свою каптерку!

– Давай! Но вечером придем!

– Угу! Если буду нетранспортабельным, не будите. Кассеты на видеке, как включить аппаратуру, сообразите! Закуска кой-какая в холодильнике. Разберетесь. Все! Погнал я.

И капитан, повернувшись и покачнувшись, направился в ангар-клуб.

Калинин взглянул на часы: 19.35. Посмотрел на друга.

– Пойдем в столовую?

– А не рано?

– Ну, если к Ерохе собрались, то ужин нам не нужен. Возьмем хлеба да пару банок каких-нибудь рыбных консервов.

– Ротного предупредить надо!

– Из столовой и позвоним в отсек!

Отзвонившись командиру роты и предупредив, где будут находиться, офицеры спецназа взяли в столовой консервы и хлеб.

С этим и отправились в клуб.

Поднявшись по железной лестнице на второй этаж, дернули дверь, на которой красовалась табличка «Начальник клуба». В ответ тишина. Листошин, нагнувшись, негромко, чтобы не слышал дневальный на входе в ангар, позвал в щелку:

– Ероха! Славик!

Из комнаты начальника клуба ни звука. Листошин выпрямился, указал рукой на дверь:

– Спит капитан, как хорек!

– Если не свалил куда!

– Вряд ли! Ну-ка, где его отмычка?

Метрах в двух в стороне, прислоненный к стене, стоял солидных размеров пожарный щит. И сбоку железная полоса.

Листошин взял «отмычку», подошел к двери. Вновь нагнулся, просунул ее под порог, повел влево, до упора. Затем резко ударил по штырю. Дверь распахнулась. Капитан Ерохин спал на кровати в углу своего кабинета. В помещении было прохладно, так как работал кондиционер. Его не оставил без внимания командир второго взвода:

– Смотри, Саня, даже Ероха сообразил себе кондер! Один наш Новиков ни хрена достать не может. Придется, чую, самому замполита за жабры брать.

На постели зашевелился Ерохин. Рядом с кроватью стоял табурет, на нем почти пустая бутылка водки, пачка сигарет и спички. Видимо, начальник клуба еще не раз прикладывался к пойлу, перед тем как отрубиться. Но спал капитан, надо признать, чутко. Не открывая глаз, спросил:

– Спецы?

– Ты еще кого-то приглашал?

– Ага! Королеву Марго! На пару палок! Дверь закрыли?

– Как?

– Каком! Штырь на место определите, и все дела. Остальное, как и говорил. Звук лучше не включайте, один хрен там одни стоны. Меня не тревожить! Я в отключке.

И, отвернувшись, засопел, но тихо, чтобы не было слышно в коридоре. Сказывалась привычка.

Листошин закрыл дверь, Калинин занялся видаком. Ничего сложного в его включении не было. Вставил кассету, одну из двух, лежавших на магнитофоне, в паз, включил телевизор и нажал на клавишу. Тут же на экране высветилась парочка молодых людей. Одетых, мирно о чем-то разговаривающих. Калинин включил режим «паузы», спросил у Листошина:

– Ну что, Лист, «стол» накроем перед просмотром?

– Давай! Ты занимайся тем, что мы принесли, а я обследую холодильник.

Спустя минуту на фанерной доске, лежащей на двух табуретах, появились фляжка со спиртом, чайник с водой для запития, алюминиевые кружки, две открытые банки сардин, тарелка с кусками тушенки, мелко нарезанный кусок сервелата, хлеб и две пачки «Северных» со спичками.

Листошин взял фляжку, посмотрел на друга:

– По сколько лить?

– Грамм по сто!

Старший лейтенант точно отмерил указанную дозу. Чокнулись. Выдохнув воздух, выпили спирт, тут же запив его водой. Как по команде закурили. Листошин кивнул на телевизор:

– Врубай порнуху, Саня! Посмотрим, что такое необыкновенное вызвало восторг у Ерохи.

Александр убрал «паузу».

И вновь на экране две фигуры молодых людей. Мужчины в строгом костюме и женщины в черном платье.

Листошин показал пальцем на экран:

– У них не жарко!

– Понятно! Снимали же не в Афгане. Но молчи, кури, жуй консервы и смотри.

К парочке откуда-то сбоку вышел негр.

И вновь Листошин воскликнул:

– Во как! Этот тут на какой черт нужен?

– Лист?!

– Молчу, молчу!

Негр что-то сказал и начал раздеваться. Парочка наблюдала за ним. Когда тот снял плавки, обнажив член, Листошин не удержался:

– Ни хрена себе, фасцинус!

Александр не понял:

– Чего?

– Член, говорю, у этого ниггера, как ствол станкового гранатомета!

– Да, елда солидная, но ты сказал что-то другое!

Семен, не отрываясь от телевизора, коротко объяснил:

– Фасцинус – это член, греки называли его фаллосом, римляне пенисом и фасцинусом!

Александр удивился:

– Откуда такие познания?

– В книге какой-то прочитал. Но не мешай, смотри кино!

А на экране разделся и тот, кто ранее сидел с дамой. И у него мужское достоинство достигало сантиметров двадцать в длину, не меньше.

Листошин воскликнул:

– Так они что, решили ее вдвоем пихнуть?

– Наверное!

– Порвут же!

– Посмотрим!

Девушка также сбросила с себя платье, встала на колени. Мужики подошли к ней.

Дальше смотрели молча. И только когда троица на экране устроилась на диване, Листошин не выдержал:

– Во дают, черти! А баба-то? Ты смотри, ее пьют такими трубами, а ей хоть бы хрен. Нет, Саня, вырубай шарманку, иначе я прямо сейчас угоню БРДМ и рвану в госпиталь.

Калинин выключил видеомагнитофон и телевизор.

Семен разлил спирт по кружкам. Выпили.

– Да, – проговорил Листошин, – дела. Меня баба удивляет. С виду такая миниатюрная, симпатичная, в платье даже скромная, а что вытворяет? И, главное, как легко принимает этих длиннонобых. Простому мужику, с нормальным членом, с такой ловить нечего! Фу, бля, противно! Но заводит! Базара нет.

С кровати голос подал Ерохин:

– Чего смотреть перестали?

– Да посмотрели уже.

– Это самое начало.

– И его хватило!

Начальник клуба приподнялся:

– Слабаки. Смотрите дальше.

Листошин отказался:

– Нет. Я пас! В наших условиях такие фильмы смотреть нельзя. Очень для здоровья вредно!

– В таком случае иди смотри «Дело в Пенькове»! Там все по-нашему, по-советски, платья ниже колен, девки – святоши, а пацаны – комсомол! И никакого секса. Ни открытого, ни прикрытого!

– Нет уж, к черту твое «Пеньково»!

– Тогда наливай!

Калинин предупредил:

– По третьей пьем!

Третий тост у офицеров неизменно был за погибших, поэтому Ерохин проговорил:

– Что ж, помянем тех, кто навсегда остался в проклятых ущельях и «зеленке»!

Молча выпили. Так же молча закусили.

Посидели еще минут двадцать, обсуждая текущие проблемы, в том числе и скорое убытие к новому месту службы нынешнего замполита и прибытие нового.

Первым поднялся Калинин:

– Ну что, братцы, пора и по хатам!

– Пора.

– Славик, ты с нами пойдешь?

– Нет! Останусь здесь. Чего я забыл в общем модуле? Здесь кондишн, прохладно, опять-таки видак, порнушку еще на сон грядущий посмотрю. А в модуле? Через каждый час простыни мочить? Иначе ведь не уснешь.

Листошин поинтересовался:

– Слав, а где ты кондиционер надыбал?

Ерохин усмехнулся:

– У замполита спер!

Офицеры спецназа недоверчиво посмотрели на начальника клуба.

– Не верите? А именно так оно и было. Ему когда кондер в кабинет поставили, я на него сразу глаз положил. Хоть и были на складе другие, но кто ж мне выделит. Вот и пошел на хитрость. Как-то вызвал он меня к себе, отчет писать. Ну, пришел, сел за стол, занялся делом. Политрук вышел, я к кондиционеру, крышку снял да реле переключения и замкнул. Возвращается Трофимов, а в кабинете духота. Он к кондеру, а тот лишь вентилятором крутит, не охлаждает. Спросил, что это с ним. Не знаю, говорю, щелкнуло, мол, что-то внутри и мандец, сдох БК-2000. Ремонтировать их некому, вот замполит и распорядился заменить ему аппарат, ну а я этот «сломанный» у него выпросил. Реле в порядок привел, дело пустяковое, вот и пашет в полное мое удовольствие.

Листошин задумался, потом проговорил:

– Тебе, Слав, кажется, тоже меняться скоро?

– Точно! В августе, если раньше в Союз не выпрут, но это вряд ли. А что?

– Ты, как будешь сваливать, отдай нам его.

– Базара нет. Стол накроете и заберете. Но к тому времени, думаю, этими аппаратами весь батальон снабдят.

– Это еще бабушка надвое сказала. Перестраховка не помешает.

– Договорились.

Калинин, убирая остатки «пиршества», спросил:

– Чем на гражданке-то заниматься будешь, Ероха?

– В деревню уеду. Подженюсь к какой-нибудь вдовушке да в клуб, как в армии, заведу-ющим устройсь. Насчет работы в прошлый отпуск с местным председателем сельсовета уже договорился. И буду молодняку да бабам по ушам ездить, как в Афгане духов в штабеля складывал! Медаль «За боевые заслуги» у меня есть, да еще пяток юбилейных. Хватит под героя скосить. Это чтоб уважали! В деревне уважение большое значение имеет. А то, что в тылу всю войну просидел, так кто это проверит? Был в Афгане? Был. Остальное ерунда. Вот так, молодняк вы мой.

Он тяжело вздохнул:

– Это вам воевать! А мне чего? У меня жизнь, считай, кончилась. Ну, ладно! Давайте, двигайте, да из фляжки грамм сто отлейте. Похмеляюсь я с утра. Раньше не болел, сейчас без допинга и не встану.

Калинин вылил остатки спирта в кружку, повесил ее на ремень портупеи.

Офицеры спецназа покинули клуб. Стало заметно прохладней, но все равно душно. Проходя вдоль модуля второй разведывательно-десантной роты, заметили на плацу замполита. Тот стоял в одиночестве, сложив руки сзади, осматривая территорию.

Листошин потащил Калинина за модуль:

– Идем тылами, Сань, а то увидит нас этот фасцинус, прилипнет как банный лист к ж.!
А нам оно нужно?

В отсек зашли, когда ротный собирался выключить свет. Спросил:

– Интересно, и чего вы до сего времени в клубе делали?

Листошин ответил прямо:

– Спирт жрали!

– То-то чувствую, свежачком разит. Но все, разделись, в душ и спать!

Через двадцать минут все офицеры роты специальной разведки находились в постелях, укрывшись мокрыми простынями. Листошин ворочался. Видимо, ему не давали покоя кадры порнографического фильма.

Он ни с того ни с сего проговорил:

– Живут же за «бугром» люди!

Ротный удивился:

– Ты это о чем, Лист?

Старший лейтенант немного раздраженно ответил:

– Ни о чем! О своем!

И пожелал всем:

– Спокойной ночи, спецы.

Ему ответили тем же, и в отсеке наступила тишина. Вот только не суждено было этой ночи стать спокойной и продолжительной.

Глава 2

Около четырех утра задребезжал полевой телефон ТАИ-43, стоящий на тумбочке командира роты.

Капитан Новиков, с трудом отрываясь от сна, ответил:

– Слушаю!

И тут же сел на кровати:

– Да, товарищ майор?.. Так... так... понял... с трех направлений?.. Так... ясно... есть! Выполняю! Что? Так точно.

Старшие лейтенанты Калинин, Листошин и Гудилов, также проснувшись от звонка телефона внутрибатарейной связи, слушали отдельные напряженные слова своего командира. Они уже поняли: где-то что-то произошло и скорее всего на сегодня сон окончен. Закончив разговор с комбатом, Новиков вызвал расположение роты и приказал поднять личный состав по тревоге с выдвижением в парк боевых машин.

Затем ротный положил трубку, вскочил с постели:

– Подъем, пехота!

И тут же начал объяснять обстановку, пока офицеры одевались:

– На блокпост совершенно массированное нападение духов. Полчаса назад он сначала подвергся интенсивному минометному обстрелу со стороны сопки, предположительно от разрушенных кишлаков Джархель и Зелихель. Затем моджахеды предприняли пешую атаку с трех направлений. От этой сопки, от кишлака Аяд и со стороны Жанава. Ими занят мост через Кидрабку. Командир десантной роты, осуществлявшей дежурство на блокпосту, доложил о нападении и о первых потерях. Командование парашютного полка тут же выслало поддержку в составе еще одной десантной роты. Но ту возле моста духи и встретили. В результате две машины десанта сожжены, дорога перекрыта, остальные БМД не могут продолжать движение и используются как огневые точки. Десант рассредоточился на рубеже перед мостом, на удалении от него около двухсот пятидесяти метров, сдерживаемый на позициях прицельным огнем духов. А штурм блокпоста продолжается.

Зашнуровывая высокие ботинки, Листошин выругался:

– А я что, мать их, говорил? На какой хрен выставили там этот пост? Штабисты башнями своими медноголовыми не думают, а отбивать десантуру опять нам придется! Или мы, командир, имеем другую задачу?

Ротный, в полной готовности наблюдавший за экипировкой офицеров, подтвердил:

– Ты, как всегда, угадал, Лист! Блокпост придется отбивать нам! Но конкретную задачу получим в парке.

Офицеры, разобрав автоматы и боекомплект, положенный к выходу, бегом направились в парк, где возле заведенных БРДМов стоял выстроенный в две шеренги личный состав роты специального назначения.

Здесь же находились командир разведбата и подполковник-десантник.

Они сразу отозвали Новикова в сторону для уточнения задачи.

Калинин подошел к своему взводу. Заместитель начал было доклад, но старший лейтенант остановил старшину:

– Отставить, Данил! В двух словах, как дела?

– Нормально, командир!

– Все готовы к выходу?

– Так точно!

– Техника, боеприпасы?

– Все, как обычно. Техника прогревается, боекомплект загружен, оружие в порядке!

– Хорошо! Ждем, что нам подкинут отцы-командиры.

Совещание затягивалось, а вдали, в горах, слышался гул боя.

Наконец ротный, козырнув, отошел от старших офицеров, позвал к себе командиров взводов:

– Так, мужики, общая обстановка вам ясна. Теперь то, что предстоит сделать нашей роте. Ты, Лист, на трех машинах выдвигаешься в степь, оттуда в квадрате 28–16 разворот на 90 градусов и движение вдоль гряды в тыл сопки, откуда ведется минометный обстрел блокпоста. Задача – определить позиции вражеских минометчиков и вызвать на них огонь реактивной артиллерии. Дивизион готов произвести налет, ему нужна цель. Вот ее ты и должен обозначить. После обстрелаходишь в брошенные кишлаки и чистишь их. В завершение с господствующей высоты блокируешь вход в Кидрабское ущелье, закрывая путь возможного отхода духов. Вопросы?

– Все понял, капитан!

– Вперед!

Листошин отдал приказание своему личному составу, и три бронированные разведывательно-дозорные машины рванулись из парка, представляющего собой открытую площадку, огороженную столбами с колючей проволокой, палатку контрольно-технического пункта с ручным шлагбаумом.

Новиков повернулся к Калинин:

– Мы же с тобой, Саня, совершаем марш до «зеленки». Далее ты шестью машинами уходишь в виноградники и оттуда подходишь к руслу Кидрабки, слева от моста. БРДМ оставляешь в «зеленке» в готовности поддерживать твои дальнейшие действия огнем крупнокалиберных пулеметов. Сам со взводом атакуешь мост. Как? Определишься по обстановке. Я с тремя машинами буду ждать перед «зеленкой». Когда выбьешь духов, я на трех наших машинах и с десантурой прорвусь по мосту на позиции блокпоста. Следом ты, вызвав к руслу десантную роту! Вопросы?

– Один, командир! Как ты прорвешься, если дорога на Аяд заблокирована подожженной техникой?

– Об этом не думай. Подполковник – начштаба парашютного полка – заверил, что они освободят трассу.

– Тогда почему сами не прорываются к своим?

– Ну зачем лишние вопросы? Ты же прекрасно знаешь, что их боевые машины десанта не пройдут ни балки в степях, ни эскарпы у виноградников. Только мы на БРДМах можем сделать это. Ну, все. Хорош базарить. Ты в головной машине, я с тремя БРДМами Листошина в хвосте. Вперед!

Через пять минут колонна бронированных разведывательно-дозорных машин, растянув дистанцию между техникой, уже шла на предельной скорости в сторону моста.

А три БРДМ Листошина, используя проход в полосе сплошных минных заграждений, вышли в Уграмскую степь. Сверившись с картой и убедившись, что полувзвод вышел в квадрат 28–16, старший лейтенант приказал колонне повернуть к хребту. До достижения горной гряды пришлось преодолеть три приличных оврага. Семен подумал – да, БДМ здесь застряли бы! Да и бронетранспортеры могли завязнуть. Правильно решило командование использовать дозорные машины. Они были меньше размерами, но имели лучшую проходимость, оснащенные по паре подвешенных с каждого борта колес для преодоления траншей и крутых подъемов. Начав марш в 4.15, в 4.57 Листошин вывел свою группу к гряде. А в 5.03 остановил колонну. За поворотом, метрах в ста, сопка, на которой и были развалины брошенных кишлаков Джархель и Зелихель. Из них, по предположению и командования, и начальника блокпоста, укрепленный пункт постоянно обстреливался как минимум минометным взводом. И это предположение подтвердилось. Да, духи вели огонь с сопки, но не из развалин, а откуда-то сбоку: либо со

склона, либо с позиций, расположенных ниже. Задача усложнялась. Надо входить в кишлаки, чтобы точно определить эти позиции. Но минометные расчеты наверняка прикрыты духами. И сунься спецы сейчас на сопку, то кто знает, не встретят ли их огненные молнии кумулятивных зарядов противотанковых гранатометов? Но решение следовало принимать как можно быстрее. Вражеские минометы продолжали обстрел.

И старший лейтенант Листошин принял решение. По бортовой связи он вызвал командиров машин. Приказал двум экипажам спешиться и начать выдвижение в кишлак с целью выхода на противоположный склон. При встрече с противником завязать с ним позиционный бой, благо условия для него были неплохие. Развалины могли надежно укрыть как обороняющихся, так и наступающих, обеспечив какое-то время сравнительно безобидного огневого контакта. Время, которого должно хватить Листошину для совершения главного маневра.

Убедившись, что пешая группа скрылась за поворотом, Листошин приказал механику-водителю головной машины начать выдвижение к сопке:

– Вова, потихоньку, не спеша, следом за ребятами.

И, вызвав оператора боевой машины:

– Женя! Готов?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

У самого поворота офицер остановил БРДМ, открыл командирский люк и перебрался на броню, внимательно слушая обстановку. До него пока доносилось лишь уханье минометов. Подумал, сколько же мин притащили сюда душары, ведь обстрел начали где-то в полчетвертого утра. Скорее всего, накапливали несколько дней. И вдруг совсем рядом – чередой автоматных очередей. Тут же доклад старшего пешей группы, оснащенной радиостанцией Р-148:

– Сайгак-1, я – Сайгак-2! У Зелихеля столкнулись с группой духов. Вступили в позиционный бой, хотя можем атаковать!

– Позицию минометчиков видишь?

– Нет! Но обстрел ведется за сопкой!

– Рассредоточься и сковывай противника огнем! БРДМ к тебе подойти могут?

– Могут! Но держась ближе к скале!

– Ясно!

Листошин вызвал водителей-механиков оставленных за поворотом боевых машин. Приказал быть готовыми по команде совершить бросок к Зелихелю, держась открытого и ровного пространства у скалы.

Переключился на механика своей БРДМ:

– Вова! Сейчас по команде рванешь в объезд сопки. Задача – выход за кишлаками! Понял?

– Понял, командир!

– Вперед!

Бронированная разведывательно-дозорная машина рванулась в указанном направлении. Оператор боевой машины Евгений Разин развернул башню с пулеметом «КПВТ» на кишлаки, готовый открыть огонь по противнику, если тот вздумает обстрелять БРДМ. Но сопка молчала. И уже через минуту машина выскочила на ровную площадку. А старший лейтенант Листошин увидел позицию минометов, стоявших в ряд за невысокой каменной грядой. Цель обнаружена. Атаковать ее разведывательными машинами невозможно, да и не нужно. Главное, определить эту позицию! И она определена!

Семен крикнул наводчику-оператору:

– Евгений! Позицию духов видишь?

– Вижу, командир!

– Огонь по ней! Механик, быстро сдавай назад за сопку, да смотри, Вова, не подставь бочину, а то бородачи тут же влепят нам гранату.

Механик, переключив скорость, повел БРДМ назад.

Оператор боевой машины, не жалея патронов, поливал позицию огнем крупнокалиберного «КПВТ» и спаренного с ним «ПКТ». Машина отошла за сопку. Механик развернул ее.

Листошин связался с пешей группой:

– Сайгак-2, ответь!

– Я – Сайгак-2!

– Как дела?

– Нормально! Слышали, как вы врезали по духам за сопкой.

– Теперь внимание. Сейчас к кишлакам у скалы выйдут БРДМ. Как только они откроют пулеметный огонь, под его прикрытием отход и возвращение на исходную позицию. Вопросы?

– А кто стрелять из пулеметов будет? В машинах-то одни механики-водители.

– Это не твоя забота. Свою задачу понял?

– Так точно!

– Вот ее и выполняй.

Командир взвода переключился на механиков боевых машин:

– Внимание, орлы. Выходите за поворот и быстро к скале. Остановиться между Джархелью и Зелихелью. Бросить руль и за пулеметы. Из них огонь по позициям духов, которые в контакте с нашими. Под этим огнем бойцы отойдут к вам. Как только подберете экипаж, быстрый отход за поворот! Вопросы?

Вопросов не последовало. И в то время, как машина Листошина обходила сопку, две оставшиеся в его распоряжении боевые машины, четко выполнив приказ, забрали пешую группу и благополучно отошли на позицию, указанную взводным. Весь маневр занял полчаса, а Листошину показалось – несколько часов. Такое бывает.

Оказавшись на безопасном рубеже, офицер вызвал командира реактивного дивизиона:

– Гром-1, я – Сайгак-1, прошу ответить!

– Гром-1 на связи!

– Работаю по минометному обстрелу духами Аядского блокпоста! Уточняю цель. Квадрат – 30–14, участок 4, как минимум полноценный минометный взвод духов у склона перевала, за кишлаком Зелихель!

– Цель принял! Сам отошел?

– Отошел!

– Добро! Атакую!

Практически тут же в воздухе раздался шелест реактивных снарядов, и земля вздрогнула. За отрогом показались огромные огненные шары. Их было много. Скорее всего, вел огонь реактивный взвод. И бил он по всему участку 4 квадрата 30–14, захватывая и склоны, и сопку с разрушенными кишлаками, и прилегающую к ним местность. Взрывы снарядов слились в единый грохот, который грозным эхом пошел по ущельям, заставляя перевалы осыпаться обильными камнепадами.

Первая часть задачи командиром второго взвода специальной разведки была выполнена. Теперь вновь, но уже на трех машинах, следовало войти на сопку и оттуда контролировать вход в Кидрабское ущелье, не дав духам возможности уйти в горы. Начало светать.

Параллельно со вторым взводом работала и остальная часть подразделения спецназа капитана Новикова. Совершив марш до начала «зеленки» с левой от дороги стороны, старший лейтенант Калинин доложил ротному о том, что уходит в виноградники. Получив «добро», приказал головной машине, преодолев глубокий и узкий кювет, войти в ряды плодового кустарника. Пять БРДМ, шедшие на марше сзади, повторили маневр головной машины.

Бронированная и маневренная техника легко преодолевала виноградник. К 4.50 вышли к руслу Кидрабки. Старший лейтенант приказал остановить колонну, развернув ее в цепь. После чего отдал команду спешиваться.

Сам же со связистом пробрался к последнему ряду виноградника, где залег. Применил прибор ночного видения. Мост был перед ним как на ладони. И старший лейтенант увидел душманов. Укрепились они грамотно, выдвинув основные силы на южную оконечность моста. Там были организованы огневые точки – несколько гнезд из мешков с мелким камнем. Пулеметы смотрели на трассу. Такие же точки были по сторонам трассы, одна метрах в тридцати слева, среди нагромождений камней, другая – у самого виноградника, на одной линии по берегу с позицией наблюдения старшего лейтенанта Калинина. Эти заградительные посты полностью контролировали дорогу и подходы к мосту. Применить по ним авиацию или артиллерию не представлялось возможным без риска разрушить мост, чего допустить советские войска не могли.

Продолжавший подниматься черный дым метрах в трехстах южнее по дороге указывал на место подрыва боевых машин десантной роты, первой вышедшей на поддержку атакованного блокпоста. Следовательно, гранатометной атаке БМД подверглись или с одного из этих постов, или со всех вместе.

Только сейчас Калинин оценил правильность решения командования – использовать для поддержки блокпоста, продолжавшего в окружении вести тяжелый бой, роту, оснащенную бронированными разведывательно-дозорными машинами. Гул боя у поста заглушил звук двигателей вышедшей во фланг моста БРДМ. Появись здесь БМП, БМД или даже колесные бронетранспортеры, они ревом дизелей и сдвоенных моторов выдали бы свое присутствие в непосредственной близости от цели, что сразу же позволило бы духам перестроить оборону моста. А в случае с БРДМ они этого не сделали, хотя один наблюдатель постоянно смотрел в сторону виноградника. Но ничего не замечал и не слышал.

Старший лейтенант вызвал к себе командиров отделений, механиков-водителей и операторов боевых машин. Механикам поставил задачу развернуть цепь БРДМ полусферой, так, чтобы в сектор обстрела пулеметов входило все пространство, включающее в себя и мост, и подходы к нему. Затем обратился к операторам:

– Первому отделению выдвинуться к оконечности виноградника и занять позиции напротив огневых точек, далее по моей команде огонь по ним и тут же бросок к позициям с задачей уничтожения сил южного прикрытия моста. Третьему отделению отойти по реке вниз и там, пока темно, перемахнуть на противоположный берег. Зайти к мосту с северной оконечности. Операторам БРДМ отделения визуально сопровождать перемещение сослуживцев, чтобы в случае необходимости прикрыть их огнем «КПВТ». С выходом к мосту доклад мне и ожидание дополнительного приказа. Я со вторым отделением подбираюсь к мосту также по винограднику. Но далее начинаю работать по группе духов, скопившихся за «быками» – бетонными опорами моста. Там, как понимаю, резерв моджахедов и командный пункт. Их и отработаем. Повторяю: перестроение машин и выдвижение к цели немедленно, по занятии рубежей ожидания доклад мне. Штурм моста по моей команде! Все, вперед, орлы!

Распустив бойцов, старший лейтенант через прибор ночного видения вновь осмотрел мост. Там было все спокойно. Духи на позициях ждали дальнейшего развития событий, а точнее, сообщения об уничтожении русской роты на блокпосту и собственном отходе.

Пропищала радиостанция. Связист ответил:

– Олень-1 на связи! Есть!

И тут же обратился к взводному:

– Вас! Командир батальона!

Калинин ответил:

– Слушаю вас, Весна!

– Что у тебя, Олень?

– Занимаю позицию для штурма.

– Как скоро можешь начать его?

– Думаю, минут через двадцать!

Комбат отрезал:

– Не пойдет! Мы не можем столько ждать! Выходил на связь командир роты с блокпоста. Подразделение несет потери, боеприпасы на исходе, а духи атакуют как бешеные плюс минометный обстрел. Уже через полчаса рота исчерпает свои возможности! Приказываю: начинай штурм моста немедленно! Ты понял, Олень? Не-мед-лен-но!

– Вас понял, Весна! Начинаю штурм.

Повернувшись к связисту, Александр крикнул:

– Связь с отделениями!

Связист доложил, что контакт установлен. Калинин отчетливо произнес в эфир:

– Первому отделению с ходу в бой! Без всякой дополнительной команды! Третьему отделению отставить отходной маневр! Всем, кроме первого отделения, по машинам.

Бросил ларингофон связисту, коротко приказав:

– За мной!

И через заросли виноградаря ринулся к шеренге боевых машин.

БРДМ первого взвода развернулись в линию и пошли по виноградарям к трассе. Душманы слишком поздно определили, что за сила подбирается к ним с фланга. Крупнокалиберные пулеметы боевых машин открыли огонь на самом выходе из «зеленки», и били они по огневым точкам. 14,5-миллиметровые пули легко прошивали мешки, набитые камнями, и поражали стрелков. Заградительная линия противника была сметена в считанные минуты. И тут же БРДМ, высадив десант, отошли назад в виноградник. Взвод Калинина начал охват моста со стороны, откуда шла на помощь блокпосту колонна полка воздушно-десантных войск. Находившийся под мостом резерв духов укрепился за второй парой «быков», а также выше обрыва, имея неплохой обзор для ведения прицельного огня.

Калинина вызвал Новиков:

– Олень-1, я – Агат! Доложи, что у тебя?

Взводный ответил:

– Главные опорные пункты сбили, но остаток группы прикрытия моста отошел к противоположному берегу. Сейчас попытаюсь провести первую пешую атаку.

– Мы не можем больше ждать, Саня! Силы блокпоста на исходе! Сам мост для проезда открыт?

– Да! Но я не могу гарантировать, что закрепившиеся вдоль берега духи не имеют гранатометов, из которых легко сожгут колонну бронетехники.

– Твои БРДМ могут открыть отвлекающий огонь?

– Могут!

– Тогда так, Саня. Я начинаю прорыв. Как увидишь приближение моей колонны с тройкой боевых машин десанта, открывай огонь по берегу. Патронов не жалеть. Надо вжать духов в камни так, чтобы они головы поднять не могли. Все! Работаем.

Калинин, связавшись с боевыми машинами, приказал операторам разобрать весь противоположный сектор и быть в готовности нанести по нему массированный удар. Сержант Волочков ответил, что операторам боевых машин не виден берег. Старший лейтенант приказал вновь перегруппировать машины, выводя их фронтом к руслу реки. Маневр спецвыполнили вовремя, закончив его как раз в тот момент, когда на дороге от Уграма показалась техника, ведомая капитаном Новиковым.

Калинин бросил в эфир:

– Олени! К мосту подходят наши силы прорыва. По моей команде открыть огонь по противоположному берегу. При появлении БРДМ и БМД огонь прекратить, выйдя на дорогу! Как поняли меня?

Операторы разведывательно-дозорных машин ответили, что приказ поняли.

Машины Новикова приближались. Противоположный берег молчал. Возможно, вражеские гранатометчики готовили свои трубы.

Старший лейтенант Калинин отдал приказ:

– По противоположному берегу, в установленном порядке, из всех стволов скорострельный огонь!

БРДМ ударили по берегу. Операторы стреляли прицельно, сшибая самую верхушку берега. Пешие бойцы второго отделения начали обстрел боевиков, оставшихся под мостом. Колонна из трех БРДМ и трех боевых машин десанта вылетела на мост.

Боевые машины Калинина прекратили стрельбу и рванулись к дороге. Секунды понадобились личному составу первого взвода, чтобы оседлать БРДМ, которые двинулись вслед уходящей колонне прорыва.

Калинин вызвал Новикова:

– Агат! Я – Олень-1! Следую за вами. Уходите спокойно! Я прикрою ваши тылы!

– Понял, Саня! Действуй!

Душманы, вынужденные отползти от берега под массированным обстрелом с противоположной стороны реки, увидели, как мимо них, прорывая оборону, на трассу выскочила бронированная колонна из шести машин. Гранатометчики, коих в строю осталось четверо, судорожно заряжали «РПГ» кумулятивными гранатами. И уже приготовились пустить заряды вслед прорвавшейся колонне, как с моста вылетела волна БРДМ, веером разошедшихся от дороги влево и вправо, одновременно высаживая десант. Пулеметы почти в упор ударили по душманам. Те в панике заметались по берегу. Их косил автоматный огонь бойцов Калинина. Кое-кто из бандитов прыгнул к реке, под мост. Закончив обстрел берега, разведывательные машины вернулись к дороге.

В это время справа, в стороне ущелья, раздались мощные взрывы, что означало – Семен Листошин выполнил задачу, обнаружил минометы противника и навел на их позиции удар артиллерии.

Калинин собрал возле себя бойцов взвода. Приказал:

– Первое отделение слева, второе справа атакуем пространство под мостом, третьему находиться здесь, с задачей организовать преследование и уничтожение тех духов, которые смогут прорваться по берегу! Вперед!

Калинин первым спрыгнул с обрыва. И тут же фонтаны пуль выросли около него. Укрывшиеся за бетонными опорами и в траншее душманы ожидали атаку и встретили ее плотным, но не прицельным огнем.

Перекатившись к самой воде и укрывшись за валуном, Калинин пустил из подствольника осколочную гранату, которая легла прямо в траншею. Взрыв и вопли боли. Старший лейтенант открыл огонь из автомата, отвлекая на себя силы противника, тем самым обеспечивая спуск к реке бойцов двух отделений. Под мостом река делала небольшой изгиб, и опоры находились на самом этом изгибе, так что огонь спецназа с двух направлений не мог задеть своих. И этот огонь бойцы открыли, как только спустились с обрыва. Душманы оказались в капкане. Скрытые от пуль слева, они были открыты для оружия противника, находящегося справа. Из-за опор раздались крики.

Калинин пустил в небо красную ракету – сигнал прекратить огонь. Стволы замолчали.

Старший лейтенант внимательно следил за обстановкой. Что задумали духи? На открытое пространство вышел один из моджахедов, в одной руке, вытянутой в сторону, он держал автомат без магазина, в другой – оторванный от рубахи рукав как знак того, что бандиты решили сдаться.

Калинин крикнул афганцу:

– Стой!

Тот остановился.

– Сколько вас?

– Двенадцать человек, половина ранены. Мы хотим сдаться.

Говорил моджахед на ломаном, но все же понятном русском языке.

Александр распорядился:

– Прикажи своим выходить по одному и по моему знаку рукой. Там, где ты стоишь, складывать оружие, через метр раздеваться догола и в таком виде, подняв руки, следовать дальше. Какое-либо движение в сторону, и я немедленно открываю огонь на полное поражение всех! Ты понял меня, джигит?

– Понял, русский, хорошо понял!

– Ну, а раз понял, начали!

Парламентер бросил пустой автомат, сделал шаг вперед, сбросил с себя одежду, поднял руки, обернулся, выкрикнув какую-то команду, и пошел в сторону позиции спецназовцев, державших его на прицеле.

Уложив голого бандита на склон, старший лейтенант махнул рукой, и из траншеи вышел еще один боевик. Когда на склоне оказалось шесть голых боевиков, Калинин приказал командиру первого отделения сержанту Волочкову:

– Сергей! Возьми троих бойцов и троих духов. Прикрываясь ими, следуй к мосту. Там один из этих архаров пусть обезоружит и разденет раненых. Затем пусть выносят их. Я наверху, узнаю, что на блокпосту.

А пост из последних сил сдерживал безудержные атаки душманов. Почти весь личный состав был ранен, более десятка солдат убиты, но это те, кого лично видел раненный в плечо и грудь командир роты, продолжавший, несмотря на большую потерю крови, руководить обороной. Вот снова за полуразрушенным каменным забором донеслось многоголосое: «Аллах акбар», и пули засвистели над постом, впиваясь в расщепленные бревна долговременных огневых точек, в металл подожженных боевых машин десанта, в уже молчащие блиндажи. Изнуренные долгим боем, большей частью раненые десантники открыли ответный огонь, стреляя теперь в режиме одиночного огня. Не хватало патронов. Кругом валялись зеленые цинки. Весь боезапас блокпоста был практически расстрелян. Эту атаку удалось приземлить. Но повторный бросок духов десант уже физически не мог бы сдержать. Офицеры, прапорщики и солдаты в минуту затишья доставали из подсумков гранаты – последнее оружие, которое они еще могли применить против врага и... против себя. Сдаваться в плен не желал никто. Ротный посмотрел на небо. Такое голубое чистое небо. Похоже, помощь его подразделению подойти не успеет. Хотя свои и пытаются пробиться к посту. Чуть ранее капитан слышал и звуки боя у реки, и грохот разрывов со стороны сопки, после чего страшный минометный огонь душманов прекратился. Пытаются, но не могут! Не успевают! Жизнь скоро оборвется. Как обидно умирать в двадцать семь лет! Обидно! Несправедливо! На обидной, непонятной и несправедливой войне. Капитан положил меж ног оборонительную гранату «Ф-1». Ее взрыв разнесет в клочья его, но погасит жизни и тех, кто окажется рядом. Не один дух получит свой осколок в последнем движении капитана-десантника. Духи должны вот-вот начать атаку! Им нужно быстрее разделаться с постом и начать отход. И так бандиты, численностью не менее полноценного батальона, задержались здесь на три часа, не сломив сопротивление одной роты.

И душманы поднялись. В каких-то пятидесяти метрах от периметра ограждения поста.

И вдруг они начали падать. Падать группами, словно подкошенные невидимой косой. И только потряхнув головой, капитан услышал рокот работы двигателей бронированных разведывательно-дозорных машин и рев дизелей своих родных боевых машин десанта. Колонна прорыва вышла к блокпосту, тут же разойдясь по сторонам и ударив из крупнокалиберных пулеметов и скорострельных пушек по живой волне моджахедов. Появление поддерживающих сил было столь неожиданным для душманов, что они растерялись, остановились. И стали прекрасной мишенью как для пулеметов, так и для стрелкового оружия спешившихся спецназовцев

и десантников. Часть банды дернулась в ущелье. Они мчались, насколько позволяли силы. Но избежать возмездия им было не суждено. Как только пробившиеся бойцы уничтожили практически полностью штурмовавшего блокпост противника, капитан Новиков вызвал по связи старшего лейтенанта Листошина:

– Сайгака просит ответить Агат.

– Сайгак-1 на связи!

– Ты контролируешь вход в ущелье?

– Так точно!

– Жди скорых «гостей»!

– Как на блокпосту?

– Хреново, но могло быть гораздо хуже! Мы успели не допустить полного разгрома, но не более того. Потери в десантной роте таковы, что она попросту на время перестала существовать!

– Убитых много?

– Пока насчитали четырнадцать человек, остальные ранены, шестеро тяжелых, но обстановка до конца не ясна. К тебе отходят те, кто и атаковал блокпост. Встреть их, Семен, как следует!

– Сделаю! А если духи лапы кверху задерут при первом же выстреле?

– А ты накрой их так, чтобы не смогли они свои кровавые клешни поднять! Ясно?

– Ясно, Володь. Короче, валить всех!

– Да, всех! После чего доклад мне!

– Принял!

Ждать отступающий отряд душманов подчиненным Листошина долго не пришлось. Бандиты торопились уйти в ущелье, где их уже не достанет ни техника русских, ни их авиация. В ущелье много трещин, пещер, в которых легко спрятаться, затаиться, выждать, а значит, и выжить. И вышел этот потрепанный отряд кучей, не растянувшейся по дну. Как раз так, как это было нужно спецназу. Дождавшись, когда боевики войдут в сектор гарантированного поражения бронированных разведывательных машин, укрывшихся среди воронок от снарядов обезглавленной сопки, старший лейтенант Листошин приказал:

– Внимание, ребята, из трех стволов на полное поражение духов огонь!

Крупнокалиберные пулеметы ударили по банде, разрывая душманов в клочья. Когда стрельба затихла, внизу возле русла речки на небольшой площадке лежало кровавое месиво человеческих тел. Никто не ушел от блокпоста. Для перестраховки старший лейтенант спустил вниз несколько человек. Те в ущелье не задержались, вернувшись, доложили, что банда уничтожена.

Командир взвода подошел к одной из машин, запрыгнул на броню, крикнул в люк:

– Связь с ротным мне!

Доложил, что «гостей» встретил по всем правилам восточного гостеприимства, накормив свинцом так, что те остались «отдыхать» в ущелье.

Капитан Новиков приказал Листошину:

– Закладывай подарки и отход к посту!

Под подарками подразумевалось минирование останков душманов. За трупами обязательно придут их товарищи. Вот и получают сюрпризы в виде нескольких взрывов наступательных гранат «РГД». Так делали почти всегда, и фокус удавался. Впрочем, и духи минировали наших погибших солдат. К этому вроде уже привыкли и все же попадались на ловушки. Духи чаще!

Перед тем как отправиться к блокпосту, Листошин вызвал Калинина:

– Олень-1, я – Сайгак!

Александр ответил:

– Слушай, Сень, сменил бы ты позывной? А то как-то несолидно – сайгак!

– Олень лучше?

– Ну, благороднее, по крайней мере! Как у тебя?

– У меня все пучком, сам как?

– Нормально! Очистили мост. Двенадцать пленных взял, шестеро, правда, подстрелены, а так нормально. Потерь нет! А у тебя?

– Тоже обошлось! Я выдвигаюсь к блокпосту!

– Давай! Мне приказано мост сторожить вместе с взятыми духами. Встретимся при отходе!

– Удачи!

– Тебе того же!

Листошин приказал колонне из трех машин двигаться к блокпосту.

А туда в это время прибыли десантные и санитарные вертолеты. В воздухе зависли «полосатики» – машины огневой поддержки «Ми-24», прикрывая маневр «Ми-8». Ранее их применять было нельзя, ну разве что по минометной батарее, но там и артиллерия неплохо справилась. Хоть пилоты и рвались в бой, поднимать их для поддержки поста было бессмысленно. По отработке позиций духов на мосту – риск разрушить его. А по наступающим силам тем более. Те сразу вошли в плотный огневой контакт с постом. В этом случае был велик риск поразить своих же. Так что только сейчас, когда все кончилось, «крокодилы» «Ми-24» барражировали в небе. А на санитарные и десантные борты «Ми-8» грузили убитых и раненых бойцов десантной роты, героически отстоявших свой пост от коварного и безжалостного противника, в несколько раз их превосходящего. Из полка на смену роте прибыли сразу два десантных подразделения. Командование полка ВДВ решило усилить пост и выставить еще один на самом мосту, скорее всего временно.

Прибывший из ущелья старший лейтенант Листошин, видя движения десантников, спросил у командира своей роты:

– Володь! Ты что-нибудь понимаешь? Ну, на хрена восстанавливать этот блокпост? Раз разнесли его духи, то и надо сровнять здесь все с землей да мин наставить. Мост – да, его держать надо, хотя... это здесь вроде речка как речка, а выше по ущелью ее, не замочив ботинок, по камням перейти можно. Я не говорю о сезоне дождей. Но этот сезон и духам не дает свободно маневрировать ни в горах, ни в степи. Нет, считаю, и мост надо рвануть, отсыпать полдамбы и бросить понтон. А то чего, в натуре, получается? Командование словно специально подставляет наших парней духам. А те и рады. Им за каждую голову советского военнослужащего бабки отстегают. Чего не стрелять? Вот и стреляют!

Ротный взглянул на взводного:

– Ты, Сеня, рапорт подай с просьбой о встрече с командующим, я буду ходатайствовать, комбат подпишет, возможно, и комдив подмахнет, глядишь, и вызовут в главный штаб. Вот там и доложишь свои соображения насчет блокпоста. А мне чего мозги сношаешь? Я, как и ты, не понимаю, для чего здесь стоит этот блокпост! И больше, пожалуйста, не доставай меня этой темой!

Листошин сплюнул на камни:

– Если бы к командующему попал, я ему не только о блокпосте высказал бы. Но к нему не попадешь. Ну и черт с ним! Чего делать-то будем?

– Возвращаться! Сейчас свяжусь с комбатом – и домой, на отдых.

Старший лейтенант заметил:

– У Калинина двенадцать пленных!

Ротный ответил:

– Знаю! За ними из штаба дивизии уже выслали «шестьдесят шестой»!

В полдень рота специального назначения вернулась в место временной дислокации. Встретил ее лично командир батальона майор Глобчак. Поблагодарил за выполненную задачу и особо за то, что людей сберегли, не допустили потерь.

В свой отсек ввалились гурьбой.

Тут их уже ждал стол, накрытый заместителем командира роты Гудиловым. На столе было все необходимое, чтобы отметить удачный боевой выход. И выпивка, и закуска. Но офицеры, бросив под кровати автоматы и сумки, в первую очередь завалились на постели. Усталость давала о себе знать. И больше нервная, нежели физическая. Все же роте пришлось выдержать полноценный бой. А это тяжело. К столу собрались только через час, отлежавшись, приняв холодный душ и переодевшись в чистое белье. Разговоров было много. Эмоций тоже. Но чем чаще наливали спирт в алюминиевые кружки, тем слабее становился шум застолья. Пока к заходу солнца все, кроме заместителя командира роты, принявшего на себя командование подразделением, не отрубилось на своих солдатских койках.

Глава 3

После боя в ночь со среды на четверг офицеры роты спецназа с особым нетерпением ждали воскресенья 15 мая. Выезд в Уграм был разрешен, а главное, комбат позволил вечером нырнуть в госпиталь, используя штатную боевую машину. Впереди был праздник, и его не избалованные какими-либо излишествами боевые офицеры ждали. Ждали воскресенья и женщины – медперсонал госпиталя, у них тоже был запланирован выезд в афганский городок за мелкими покупками. Ждал воскресенья и майор Трофимов, заместитель командира отдельного разведывательного батальона по политической части. Это был его последний выезд в Уграм, и от него он ожидал многого, что с покупками не было связано никак. В общем, воскресенья ждали многие. И оно наступило. После завтрака объявили общепатальонное построение, на котором командир части зачитал список офицеров и прапорщиков, отправляющихся за покупками в Уграм, и назвал выделяемую для этой цели технику. В поселок были отряжены бронетранспортер, грузовой автомобиль «ГАЗ-66» и бронированная разведывательная машина. Старшим группы так называемых «туристов», как всегда, назначался заместитель командира по политической части. В 10.00 замполит построил тех офицеров, кто едет в Уграм, и провел инструктаж о правилах поведения в афганском поселке. Колонна должна встать на стоянку на площади у главной мечети, оттуда личный состав группами не менее четырех человек, каждый с оружием и обязательно в бронежилете, мог пройтись по дуканам – мелким частным лавочкам.

Вопрос задал Листошин:

– Товарищ майор, мы на боевые выходы «броники» не берем, за каким чертом в такую жару таскать их по городу?

Замполит спокойно объяснил:

– То, что вы нарушаете инструкции боевого выхода, очень плохо, товарищ старший лейтенант, и с этого дня, пока нахожусь здесь, я лично буду проверять экипировку всех выходящих на задания подразделений. А город не горы и не степи. Там пуля может пролететь мимо, а в городе какой-нибудь подросток спокойно подойдет со спины и попытается всадить под лопатку нож. Чтобы затем скрыться в толпе. И ничего вы сделать не сможете. Бронежилет же спасет от удара ножом. Вам ясно, Листошин?

На что Семен пробурчал:

– Если дух, даже четырнадцатилетний, задумает завалить гяура, то не будет бить в спину, а полоснет по горлу своим клинком – и все дела. Никакой «броник» не поможет!

Замполит повысил голос:

– Мы что, начнем дискуссии по мерам безопасности разводить, или мне прочитайте лекцию о недопустимости нарушения воинской дисциплины в плане беспрекословного подчинения младшего старшему? Вы этого хотите? Или поездку в Уграм?

Офицеры зароптали:

– Лист, кончай!

– Время тянем.

Одернул подчиненного и командир роты:

– Чего ты опять лезешь на рожон, Семен? Дался тебе этот бронежилет! Стой и слушай, что говорят! А «броник» спокойно оставишь в модуле.

Листошин замолчал, майор Трофимов закончил инструктаж. Офицеры заняли места в кузове «шестьдесят шестого», солдаты охранения в боевых машинах. Колонна вышла за пределы части, взяв курс на Уграм, до которого было двенадцать километров.

Из состава роты специального назначения в город отправились Новиков, Листошин и Калинин. Заместителю командира роты вновь выпала доля находиться с личным составом. Да

и сам Гудиллов особо не горел желанием таскаться по дуканам. Старший лейтенант, несмотря на свою молодость – ему недавно стукнуло двадцать четыре года, был чрезвычайно расчетлив и даже скуп, предпочитал копить чеки Внешторга, которые в Союзе можно обменять на рубли по приличному курсу. К спецназовцам присоединился и начальник клуба капитан Ерохин.

Его появлением в кузове грузовика офицеры роты спецназа были удивлены, так как в списках замполита фамилия Вячеслава отсутствовала. Поэтому Листошин спросил капитана:

– А ты как тут оказался, Ероха? Что-то я не слышал, чтобы тебя отпустили из части.

Ерохин ответил спокойно:

– Да пошли они все со списками своими. Решил ехать и поехал!

– Но если тебя замполит заметит?

– И чего он мне сделает? Отправит обратно из Уграма одного? Не отправит! Выговор объявит? Да клал я на его выговоры. У меня ими личное дело вдоль и поперек исписано.

От начальника клуба распространялся знатный духан. Видимо, хорошо капитан зарядился перед поездкой.

Ерохин нагнулся к спецам:

– А вы, мужики, если не секрет, зачем в Уграм намылились?

Листошин сказал ему на ухо:

– Водочки нормальной прикупить, шампанского или вина добротного. Вечером к дамам в госпиталь собрались. Понятно?

Капитан утвердительно кивнул головой, но сказал:

– Гиблое дело задумали.

Листошин удивился:

– В смысле?

– В смысле нормального пошла! С бабами-то проблем не возникает, тем более они сегодня скучать будут, у десантников же траур. Ребят с блокпоста «тюльпаном» в Союз отправляют. «Ан-12» прибывает к 19.00. Пока прощанье, церемониал, то-се. На любовном фронте у вас все сложится, базара нет, а вот с пойлом? Проблема!

– Слушай, Ероха, и откуда ты все знаешь?

– Про груз «200» все знают, а выводы можно было и самим сделать. А насчет водки, шампанского и винца добротного? Где ж его, настоящего, в мусульманской стране взять-то? Подделкой дешевой торгуют из-под полы. А вот настоящего? Проблема.

Говоря это, капитан как-то хитро шурился.

– Да? И как решить ее? – спросил ротный.

– А вот тут, братцы, вам офигительно повезло, что я еду с вами. Есть у меня дуканщик знакомый. Через него и решим вашу проблему. Только уговор – по возвращении с вас фляга спирта!

На этом разговор в кузове оборвался. Колонна въехала в Уграм. И сразу сбросила скорость. Узкие улочки афганского поселка были забиты людьми. И все они двигались к центру, где и размещались различные дуканы и был восточный базар. Мужчины шли отдельно, женщины, все поголовно в чадрах, отдельно. Офицеры сжали оружие и невольно напряглись. Здесь они были чужие, и взгляды, которые на них бросали мужчины в нуристанках – национальных головных уборах, были далеко не приветливыми. Перед самой площадью движение застыло. Улицу перегородила арба. Ишак испугался множества людей и встал. Афганцы пытались столкнуть животное с места, но ишак только опустил ушастую голову, широко расставив копыта. Хозяин арбы орал на ишака, на хозяина орали прохожие. Ситуацию разрешил Листошин. Он поднялся в кузове и дал очередь вверх. Ишак шарахнулся в сторону, опрокинув арбу, придавив к стене своего хозяина. Тот закричал от боли. Но дорога освободилась, и колонна въехала на площадь. Местные жители при виде советской техники ринулись прочь, и вокруг

машин образовалось свободное пространство. Из кабины «шестьдесят шестого» выскочил раскрасневшийся замполит:

– Кто стрелял?

В ответ из кузова молчание.

– Я спрашиваю, кто стрелял? Или получу ответ, или тут же разверну колонну назад.

Листошин ответил:

– Ну, я стрелял! И что дальше?

– Кто разрешал?

– А что, лучше было стоять в центре глухой улочки? Да нас там тремя гранатами при желании разнесли бы! А так шуганул ишака, и все дела!

Замполит тяжело задышал, но старшего лейтенанта поддержали остальные офицеры. Пришлось майору сдать назад.

– Ладно! С вами, Листошин, у меня еще будет разговор в части, а сейчас все свободны. И предупреждаю: выполнять полученные инструкции!

Офицеры покинули кузов. Солдаты взяли в оцепление стоянку машин, башни с пулеметами боевых машин начали вращаться, то поднимая, то опуская стволы, демонстрируя полную готовность ударить в любом направлении, откуда может возникнуть угроза безопасности советским военнослужащим.

У заднего борта оказались офицеры спецназа и начальник клуба.

Ротный обратился к Ерохину:

– Ну что, Слава, води к своему дуكانщику!

– погоди! Покури. Пусть толпа успокоится да наши разойдутся. Минут через десять все уgomонится, тогда и пойдем. Да и идти нам всего ничего, вон прямо улочка, третий дуكان слева.

Обходящий грузовик замполит услышал слова начальника клуба. Не выходя из-за машины, он остановился. И вместо того чтобы подойти к офицерам и спросить у Ерохина, каким образом тот оказался среди тех, кому официально была разрешена поездка, Трофимов резко развернулся и пошел к бронетранспортеру. Встал у развесистой чинары, задумчиво закурил сигарету, наблюдая за бортом «ГАЗ-66». Выждав время, офицеры во главе с начальником клуба направились к знакомому Ерохину дуكانщику.

В лавке никого не было. Лишь мужчина лет пятидесяти с благообразной внешностью, в национальной одежде пуштун, перебирал четки в углу, сидя в кожаном кресле.

Ерохин поздоровался с ним:

– Ассолом аллейкум, Оман!

Дуكانщик неожиданно ответил на чистом русском языке:

– А, Слава? Здравствуй, дорогой, давно что-то не было видно тебя.

Спецы переглянулись.

Начальник клуба, опершись о прилавок, ответил:

– Дела, Оман! Понимаешь, мы не туристы!

– Вот это плохо! Лучше были бы туристами. И встречали бы вас везде как самых дорогих гостей! Ведь Россия и Афганистан всегда жили дружно. Ваши специалисты работали здесь. Много хорошего сделали. Дороги, мосты построили, электростанцию. Зачем было войска вводить? Не понимал и не понимаю. Поссорили народы, и в итоге война! Кому она нужна? Тебе, Слава, или мне? Нет. Не нужна она нам. Так кому нужна?

В разговор вступил командир роты:

– Позвольте узнать, уважаемый, где это вы так хорошо научились разговаривать на русском языке?

Оман улыбнулся:

– Я, капитан, в свое время в Союзе учился! И, кстати, в Военной академии имени Фрунзе. С отличием ее окончил. Вот так. В Москве у меня много друзей осталось.

– Отчего тогда торгуешь в лавке, а не служишь в правительственных войсках?
– Служил раньше! Потом старый стал. Вот и занялся мелким бизнесом. Слава, ты не представил мне своих товарищей!

– Да, Оман, конечно, знакомься...

Но ротный остановил начальника клуба:

– Не стоит, господин Оман. Погоны наши видите, в званиях разбираетесь, вот и обращайтесь соответственно.

И вновь дуканщик улыбнулся:

– Секретность, понимаю! Хорошо! Как скажете, капитан! Что-то хотите приобрести?

Вперед выступил Листошин:

– Водки нам надо, шампанского и вина хорошего!

Оман поцокал языком:

– Вы же прекрасно знаете, что наша религия запрещает употреблять спиртное. А значит, и продавать.

Глаза дуканщика хитро улыбались.

Начальник клуба посмотрел на офицеров:

– Так, помолчите. Лучше стеллажи осмотрите.

Сам же наклонился через прилавок к дуканщику:

– Оман, ты меня давно знаешь?

– Давно, Слава!

– И я тебя знаю давно! И то, что можно, и то, что нельзя в вашей стране, я знаю тоже. И не всегда то, что нельзя, означает то, что не можно! Я не прав?

Дуканщик рассмеялся:

– Ну и хитер ты, Слава! Тебе не в армии служить, а тоже в бизнес податься. Уверен, преуспел бы.

– Ага! Если бы не пил, что, к сожалению, невозможно. Так что, Оман, найдешь для моих друзей требуемый товар?

Оман вздохнул:

– Как для друга не найти? Найду! Сколько и чего будете брать?

Начальник клуба повернулся к ротному:

– Говори, Вова!

– Три водки, пару шампанского, ну и две бутылки вина крепленого! Думаю, достаточно?

Листошин уточнил:

– Дай уж все по три пузыря. Пойло никогда лишним не бывает!

– Так еще спирт из части возьмем.

– Все равно.

Семен кивнул Ерохину: водки нашей, шампанского, бормоты импортной по три пузыря, да еще сигарет хороших, импортных, лучше американских.

Дуканщик кивнул головой:

– Хорошо. Ждите здесь!

Он отодвинул одеяло, закрывавшее вход в подсобное помещение, прошел в свой склад.

Вышел оттуда, неся запечатанную цветную коробку из-под кофеварки. Поставил на прилавок:

– Водка «Столичная», из Москвы, шампанское и вино французское. Все настоящее. Только прошу, не говорите, где купили все это.

Начальник клуба ответил:

– Обижаешь, Оман! А сигареты?

– Вот и сигареты, блок «Мальборо». Лучшие, замечу, американские сигареты.

Ротный спросил:

– Сколько с нас?

Дуканщик быстро посчитал и назвал сумму.

Новиков предупредил:

– Рассчитаемся чеками, по какому курсу берешь?

– Вообще-то в городе курс 1 чек на 10 афганей, но для вас исключение – 1 к 12. Устроит?

– Устроит.

– Только всегда идите прямо ко мне. В других дуканах и товар хуже, и цены выше.

– Это уж само собой.

Листошин обратился к начальнику клуба:

– Ну, что, Ероха, пошли?

– Подожди! Мне-то покупки надо сделать?

Дуканщик спросил:

– Что тебя интересует, Слава?

Капитан окинул взглядом стеллажи, и вдруг глаза его загорелись. Он ткнул пальцем в угол:

– А что это у тебя, Оман, на верхней полке стоит?

Оман вновь улыбнулся:

– Сам не видишь?

А в углу стояла укрупненная до полуметра стеклянная копия мужского члена.

– Ну-ка, дай взглянуть на это чудо.

Дуканщик, используя переносную складывающуюся лестницу, достал.

Ерохин покрутил его в руках:

– Вещь! И что, это просто как статуэтка?

– Нет! Наливаешь через, пардон, яйца вино и через головку заполняешь фужеры.

Капитан удивился:

– Да ты что? А ну продемонстрируй!

Вещицей заинтересовались и офицеры спецназа. Дуканщик открутил нижнюю часть, опрокинув бутылку-член, налил туда из чайника воды, поставил крышку на место. Опустил головку к пиале. Из стеклянного фаллоса в нее начала выпрыскиваться жидкость.

Начальник клуба был в восторге:

– Вещь! Заворачивай!

– Товар дорогой, Слава.

– Заворачивай, сказал!

Дуканщик спросил:

– Еще что брать будешь?

– Буду! Давай тройку джинсовых юбок, с десятков кружевных женских трусов, маек сексуальных, не особо цветастых, колготок и лифчиков, все разных размеров. Да, пачек двадцать гондонов с усиками!

Ротный удивился:

– На хрена тебе все это?

Пока Оман выполнял заказ, Ерохин объяснил:

– У меня дембель на носу. Поеду в деревню. А там в сельпо что продают? Во-во, халаты ситцевые да платья вековые. А тут я с такими подарками. Поджениться мне надо? Надо! А для начала погулять. Вот с гондонами оторвусь и бабу себе подберу, ту, что откажется от разврата. А сейчас я разве могу знать, каких форм моя будущая невеста будет? Не могу! Поэтому и беру разные размеры. То, что подойдет, подруге отдам, остальное продам, разойдутся в шесть секунд, да еще с наваром приличным!

Листошин покачал головой:

– Да, прав дуканщик, тебе бы в бизнес, Слава!

Начальник клуба вздохнул:

– Кто бы спорил, но... не могу!

Дуканщик собрал и заказанное начальником клуба, улыбнувшись, спросил:

– Надеюсь, мне гранату на обмен не предложишь?

Капитан прищурился:

– Распустил язык тот урод! Только дурак он. Ты скажи ему, чтобы пасть закрыл, пока в тюрьму не загремел. Мне за то, что гранату учебную ему впилил, ни хрена не будет, а вот ему за скупку оружия точно срок намотают.

Ротный, не зная истории с гранатой, удивленно слушал диалог Ерохина с дуканщиком. Хотел спросить, но Листошин опередил:

– Я тебе, командир, потом все объясню.

Дуканщик же успокоил разнервничавшегося Ерохина:

– Не волнуйся, Слава, этот дурак, как ты его назвал, действительно глупый человек. Но не настолько, чтобы трепаться всему городу. Его же и засмеют. Просто я его хорошо знаю. Вот он и пожаловался мне, описав человека, который сунул ему безобидный кусок металла вместо грозного оружия. Так что не волнуйся. А сказал я так, к слову!

– Ладно! Ты не посчитал, сколько я тебе должен?

Как только Ерохин расплатился, офицеры направились к выходу. Дуканщик сопровождал их. На пороге попрощался:

– До свидания, уважаемые! Помните, у меня самый лучший дукан в Уграме, и я всегда буду рад обслужить вас. Даже в долг! Заходите!

– Пока! – ответил за всех Ерохин, и компания направилась к грузовой машине. По пути увидели симпатичных русских женщин. Они весело щебетали, выйдя из санитарного автобуса, направляясь под охраной четырех солдат к тем же торговым рядам.

Листошин кивнул в их сторону:

– Вон они, красотки! Тоже за покупками выбрались. Ты смотри, какие фигурки. Ух, братцы, и оторвемся сегодня вечером!

От предвкушения скорого удовольствия Листошин расплылся в улыбке.

Ротный тоже облизнулся:

– Да, девочки первый класс. Но эти из старых. Затариваются перед отправкой в Союз! Свеженькие в госпитале обживаются.

Листошин махнул рукой:

– А мне все равно, свежие, не свежие, потасканные, оттасканные, лишь бы живые, натуральные бабы!

Офицеры рассмеялись и взобрались на борт «шестьдесят шестого».

Замполит, видевший это, отошел от дерева, прогулялся по площади. Остановился у мечети, повернулся и пошел в сторону узкой улочки. Вскоре он вошел в лавку, где недавно делали закупки его подчиненные.

Дуканщик приветливо поднялся навстречу:

– А, дорогой Илья! Прошу, прошу! Здравствуй. Как дела?

– Здравствуй, Оман, все нормально! Чего не скажешь о делах уважаемого Амирхана.

Оман пожал плечами:

– Все в руках Аллаха! Да, на этот раз твои подчиненные принесли много вреда хану.

– А я ведь предупреждал вас. Не пытайтесь сбить блокпост! Это невозможно.

– Амирхан думает по-другому!

– Напрасно! Сколько людей он потерял в недавней бойне?

– Достаточно, чтобы дома многих кишлаков огласились плачем.

Трофимов проговорил:

– Вот-вот. Кстати, к тебе со старым капитаном заходили как раз те офицеры, что и пробились к блокпосту!

– Да? Серьезные, видимо, ребята!

– Спецназ! Что они у тебя брали?

– Спиртное.

– Ясно! Вечером на гулянку собрались. Но ладно, поговорим о наших делах!

Дуканщик выставил на прилавок магнитофон.

– Пусть стоит, если кто войдет из ваших, прицениваешься.

Майор не обратил никакого внимания на слова дуканщика.

– На днях меня переводят в штаб армии, на полковничью должность.

Оман удовлетворенно кивнул головой:

– Это хорошая новость! Значит, и информация от тебя будет поступать более значимая, а соответственно, и гонорар возрастет. Совсем скоро, Илья, ты миллионером станешь!

– Ты, Оман, мои деньги не считай! Думай, как здесь дальше будешь работать!

– Что мне думать? Надеюсь, ты сам решишь вопрос о своем преемнике. Или у тебя нет никого на примете?

– Есть один офицер, старший лейтенант Алексей Гудилев – заместитель командира той роты, где служат и твои недавние покупатели.

Дуканщик поинтересовался:

– Что представляет собой этот Гудилев? Почему именно его ты предлагаешь в качестве агента?

Трофимов ответил:

– Во-первых, он жаден! Любит деньги! Получаемое денежное довольствие практически не тратит. В Союзе родственников у него нет. Я с ним как-то разговаривал, плановую, так сказать, беседу проводил. Спросил, какая у него самая заветная цель в жизни? Ну, он начал о патриотизме говорить, о верности долгу, о желании быть полезным Родине, в общем, нес всякую околесицу, все же с замполитом беседовал. Но обмолвился: «Дослужить бы и дом собственный поднять и цветник, розы да гвоздики выращивать». И я понял, в чем его главная цель, смысл его жизни. В личном обогащении. Дом, цветы на продажу! Жажда денег – благодатная почва для предательства.

Дуканщик, внимательно слушая замполита, согласно кивнул головой. Майор продолжил:

– Во-вторых, он трус! Да-да, обычный трус, хотя и занимает должность заместителя командира роты спецназа. Ему предлагали повышение – в один из полков дивизии, командиром роты. Отказался, сославшись на то, что желал бы перейти в политические органы или на штабную работу. Мол, его призвание – людей воспитывать или работать с документами. Другими словами, пытается уклониться от непосредственного участия в боевых действиях. Ну и, в-третьих, он как офицер спецназа знает достаточно много, чтобы использовать эти знания.

Оман задумался, мерно перебирая четки. Затем проговорил:

– И все же я не вижу смысла вербовать младшего офицера!

Трофимов согласился:

– Ты прав, в вербовке какого-то старшего лейтенанта, заместителя командира роты, нет ни малейшего смысла, и когда я говорил о преемнике, то совсем не подразумевал Гудилева в качестве агента! Да и сам агент на базе, даже очень информированный, сейчас Амирхану не нужен! Общие данные собрать уже не сможет никто, ибо базу разделили на самостоятельные части, не связанные друг с другом и не имеющие общего командования на месте в том объеме, как это было совсем недавно. В плане боевого применения, а организационное подчинение кого и кому значения не имеет. Вербовать же агентов в каждом полку, батальоне – это безумие. Нет! Амирхану нужен не агент, ему нужен проводник, который, зная организацию частей и подразделений, их задачи, маршруты движения в горах, систему установки засад, планы мин-

ных полей и проходов в них и так далее, мог бы выводить отряды сопротивления на цели, избегая столкновения с боевыми подразделениями, осуществляющими контроль за участками своей ответственности. И таким проводником вполне может стать Гудилов.

Оман посмотрел на замполита:

– Но ты же сказал, он трус?

– Да, трус, но умный трус! Осторожный! И работать будет, особенно если Амирхан обеспечит ему полное прикрытие.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что для своих старший лейтенант должен перестать существовать!

– Не понимаю тебя, Илья! Яснее выразиться можешь?

– Могу и яснее. Вам надо похитить Гудилова! Взять в плен, причем сделать это следующим образом.

Майор нагнулся к Омани и тихо заговорил.

Когда он закончил, дуканщик воскликнул:

– Хм! Хорошая мысль, Илья! Хорошая! И практически осуществимая. Пожалуй, Амирхану понравится твоя идея. Не могу решать за него, но, зная хана, думаю, твое предложение придется ему по душе.

– Вот и хорошо, Оман! Я скажу тебе больше. Где-то в середине июля наша дивизия планирует потрясти ущелья и кишлаки в них. Для чего с седьмого июня в ущелья будут засылаться разведывательные группы. Их будут и забрасывать на «вертушках», и отправлять своим ходом. С задачей обеспечения массовых мероприятий частей дивизии, о которых я тебе говорил.

– Это интересная и заслуживающая особого вознаграждения информация. Амирхан примет адекватные меры.

Замполит откашлялся:

– Так вот, Оман, я добился у себя в батальоне пересмотра графика отпусков офицеров и прапорщиков. Командир первого взвода роты, где служит Гудилов, уже шестого июня улетит в Союз. Его место займет заместитель командира роты, а значит, Гудилов также будет выходить в ущелья. Людям Амирхана останется выставить засаду и сделать так, как я уже говорил. И вы получите проводника! Но, повторюсь, захват старшего лейтенанта надо провести строго по моему плану. Это для советского командования начисто выведет его из игры, обеспечив стопроцентное алиби, и направит контрразведку по ложному следу. Пусть ищут предателя, который им будет известен, но которого уже не будет в живых!

Дуканщик удовлетворенно покачал головой:

– Хорошо, Илья! Деньги за работу в последние два месяца будут переведены на известный тебе счет в Испании!

– Нет! На этот раз пусть Амирхан подумает, как переправить всю сумму, и в рублях, в Союз. Надежному человеку в Москве, у которого я смог бы забрать деньги без всяких осложнений!

– Хоп! Но как сообщить тебе, КТО будет этим человеком?

– Как приму новую должность, я найду повод посетить бывшую часть. По пути заеду к тебе. Тогда и сообщишь.

– Хорошо!

– Вы продумываете мой уход за рубеж?

– Конечно!

– Из Союза, Оман, из Союза!

– Именно оттуда!

– И есть варианты?

– Есть! Один из них – твое знакомство, скажем, в Москве с канадкой, бурный роман, свадьба. Затем твое решение уехать в Канаду. Это, конечно, будет связано с трудностями по

линии КГБ. Но, в принципе, задача не из разряда невыполнимых! Только я одного не понимаю, Илья! Зачем тебе отсюда возвращаться в Союз? Из Афганистана Амирхан может обеспечить тебе отъезд в любую страну мира без всяких проблем.

Майор отверг предложение:

– Нет! Надолго ли мне хватит ваших долларов за «бугром»? На год? Два? А что потом? Я должен представлять собой ценность на Западе. А какую ценность представляет какой-то майор? Мне надо купить должность как минимум в Главном политуправлении и получить хотя бы полковника. На это уйдет года три-четыре. А вот потом можно и в Канаду с прелестной дамой! Тогда отношение ко мне будет другое. Я буду нужен спецслужбам Запада! А значит, обеспечен неплохо оплачиваемой работой и, что самое главное, защитой от лап КГБ. Вот так, Оман! Поэтому продолжаем работу! Дай мне кой-какого барахла для вида, да пойду собирать подчиненный личный состав. Пора возвращаться на базу!

Дуканщик собрал в пакет всякой мелочи, от зажигалок до часов, бросил туда пару батников. Протянул пакет Трофимову:

– До встречи, Илья Владимирович!

– До встречи, Оман, и, как это у вас говорится, да хранит тебя Аллах!

Майор вышел из лавки, обогнул площадь, подошел к грузовику со стороны бронетранспортера, бросил пакет в кабину.

И сразу поднялся в кузов. Изобразил изумление:

– Ерохин? А ты какими судьбами здесь оказался? Кто разрешил тебе поездку?

Начальник клуба, до этого принявший на грудь солидную дозу спирта и заметно захмелевший на солнце, ответил заплетающимся голосом:

– А кто мог запретить мне? Уж не ты ли, Трофимов?

– Как ты разговариваешь со старшим, капитан?

– Так, как он этого заслужил!

– Что?!! По возвращении в часть немедленно ко мне!

Ерохин протянул:

– Зачем, майор? Я пьян и могу в горячке наговорить такого, что у тебя уши склеятся!

Давай уж завтра с утра. Как выплусь, так и приду!

– Ты будешь еще мне указывать?

– Майор! У меня автомат! И я, пьяный, дурак! Шел бы ты от греха подальше!

– Ну... ну... Ерохин...

Не найдя, что еще сказать, замполит спрыгнул на брусчатку площади, уселся в кабину «ГАЗ-66».

Ротный обратился к начальнику клуба:

– Ты чего, Ероха, с ума спрыгнул?

Капитан ответил спокойно:

– Я в порядке! Подремяю немного.

Начальник клуба, надвинув панаму на глаза, откинулся на борт.

Постепенно к грузовику начали стягиваться и другие офицеры.

В 13.20 колонна, развернувшись, двинулась из Уграма. Вышли на трассу спокойно, без происшествий. Передний бронетранспортер, увеличив скорость, задал режим движения всей колонне, взявшей курс на военную базу. По прибытии в роту капитана Новикова ждала неприятная новость. Приходил посыльный из штаба, принес книгу нарядов – ротному предстояло сегодня заступить дежурным по батальону. Об этом капитану сообщил его заместитель Гудиллов. Новиков тут же набрал номер начальника штаба. Того на месте не оказалось, но ротный на этом не успокоился, отправился к тому в модуль.

Майор Якушев находился в своем отсеке – читал книгу. Начальник штаба слыл большим любителем исторической литературы. Ему было сорок два года, карьеру можно было

считать законченной, но Якушев справно исполнял свои обязанности, вполне довольствуясь должностью начальника штаба разведывательного батальона. Майор, как и начальник клуба, а также заместитель командира по снабжению, принадлежал к категории так называемых «вечных узников», как в просторечье расшифровывалась аббревиатура на значке военно-учебного заведения «ВУ». Эти офицеры в свое время закончили средние училища и, не продолжив обучение, обрекли себя на ограничение по служебному продвижению, как раз где-то до уровня заместителя командира батальона.

Якушев лежал на своей койке с «Князем Серебряным» в руках. Новиков спросил с порога:

– Разрешите, товарищ майор?

Якушев, отложив книгу и сев, ответил:

– Входи, капитан! Чему обязан?

Командир роты спецназа объяснил:

– Товарищ майор, мне заместитель доложил: книгу нарядов в подразделение приносили, и я будто бы назначен сегодня дежурным!

– Не будто бы, Володя, а точно назначен. Дежурным по батальону. Ты прекрасно знаешь, что по выходным и праздничным дням дежурными назначаются командиры рот.

– Все верно! Но вчера заступил командир второй роты, сегодня, значит, в наряд должен идти командир третьей. Я свое в прошлое воскресенье оттрубил!

– Да, это так, но вот неувязочка. С утра командира третьей роты увезли в госпиталь, в инфекционное отделение, с подозрением на желтуху! Так что тебе заступать!

Капитан Новиков покачал головой.

– Ну, не ешь его за ногу! А если бы я сегодня из Уграма поддатым прибыл? Тогда как? Не ставить же меня пьяным в наряд!

Майор Якушев являл собой само спокойствие:

– Ну что ж, тогда прежний дежурный продолжал бы наряд, пока не проспался сменщик. Вот и все!

– Эх, ну и жизнь! Кстати, для моей роты могли бы и исключение сделать. Все-таки такой боевой выход провели.

– Для этого мы здесь и стоим, Володя. За боевые заслуги вас отблагодарят как положено, наградят, а служба есть служба! А ты чего так из-за пустяка разволновался? Хотя... понимаю... ты же со своими бравыми взводными к дамам в гости собрался. А тут наряд. Понятно! Но... не переживай, Новиков. У тебя еще будет время поджениться. Будет!

Поняв, что с начальником штаба разговаривать бесполезно, ротный вернулся к себе.

Подчиненные ждали его. Листошин спросил:

– Ну, чего, Володь?

– Да ни хрена! Облом!

– Что, всем?

– Нет! Мне облом, вы действуйте по плану.

– А ты в наряд?

– Нет, в балет! На лебедей! Понял?

– Чего орать-то? Кто ж виноват, что так вышло?

Ротный, раздевшись, отправился в душевую. После прохладного душа завалился спать. До 18.00. Во время развода для несения внутреннего наряда из парка боевых машин вышла бронированная разведывательно-дозорная машина. В ней находились механик-водитель Андрей Зарубин, за командира – оператор Гоги Шарадзе, в десантном отсеке старшие лейтенанты Александр Калинин и Семен Листошин.

Расстояние от расположения батальона до общежития медперсонала госпиталя шустрая БРДМ пробежала за двадцать минут. Это при том, что ее дважды останавливал мобильный

патруль комендантской роты штаба мотострелковой дивизии. Но документы были в порядке, пропуск подписал начальник штаба дивизии, так что от патруля отделались быстро. И уже без пятнадцати семь, поставив боевую машину на стоянку санитарных «УАЗов», офицеры вошли в женское общежитие. Дежурный прапорщик, строгая на вид женщина, спросила:

– Вы к кому, молодые люди?

Семен ответил:

– К Галине Бортко, старшей сестре хирургического отделения.

– Придется подождать! Она еще в госпитале.

Офицеры вышли.

Калинин проговорил:

– Что-то, Семен, чувствую я себя не в своей тарелке!

– Это оттого, что трезвый. Пойдем, хряпнем по сто пятьдесят спиртику, глядишь, и настроение поднимется.

Прошли к боевой машине, приложились к фляжке. Когда вернулись к общежитию, их уже ждала шикарная блондинка в обтягивающем платье, выгодно подчеркивающим ее безупречные формы.

Увидев Листошина, она воскликнула:

– Ба! Сеня! Ты откуда, родной? Я уж думала, совсем забыл меня доблестный спецназовец!

На лице женщины играла лукавая улыбка.

Семен ответил ей в тон:

– Как можно забыть тебя, Галя? Такой, как ты, не то что здесь, в богом забытом Афгане, во всем Союзе не отыскать.

– Слышала, недавно вы духам неплохо ввалили?

– Точно. И конкретно взвод стоящих перед тобой офицеров. Кстати, знакомься, Саша Калинин, мой друг!

– И тоже женатый?

– Здесь, Галя, и тебе это прекрасно известно, женатых или замужних нет. Здесь только мужчины и женщины.

Галя рассмеялась:

– Ты прав! – и спросила: – Решили, мальчики, расслабиться?

Семен ответил:

– И самим расслабиться, и милых дам расслабить. Надоело, поди, вам в наших внутренних копать, уж лучше заняться душами. Как считаешь?

– Считаю, что много говоришь. У Саши женщина тут есть?

Листошин вздохнул:

– Нет, Галя, в том-то и дело, что нет!

Медсестра задумалась.

– Хорошо, познакомлю с одной. Но что из этого выйдет, не знаю! Девочка из новеньких, скромница, по крайней мере, представляется такой. Но хорошенькая, как раз под стать твоему, Сеня, другу!

Семен по-деловому поинтересовался:

– Где разместимся?

– Да у меня в комнате. Сначала! Потом видно будет. Ну что, проходите, с дежурной я уже переговорила.

Листошин остановил медсестру:

– Момент! У нас с собой гостинцы. Ты подожди, мы быстро!

– Давайте.

Галина закурила.

Александр с Семеном вновь прошли на стоянку.

Калинин указал на общежитие:

– Как-то тихо здесь. Не похоже на бордель, как окрестили эту общагу!

– погоди! Еще не вечер! Посмотришь, что ночью тут будет твориться! И учти, здесь патруль дивизионный шныряет, и гауптвахта своя имеется. С офицерскими камерами!

– Зачем мне это?

– Так, в качестве информации!

Через десять минут офицеры с медсестрой скрылись в здании женского общежития.

Глава 4

Галина провела их в свою комнату, где кроме нее обитала еще одна женщина, но сейчас она отсутствовала. Обстановка не отличалась роскошью и излишествами. Две деревянные кровати, две тумбочки, стол с двумя стульями и платяной шкаф. Рядом холодильник, кондиционер в окне. Но женщины не были бы женщинами, если бы не придали своему жилищу уют. На окнах висели красивые шторы, казенные одеяла заменяли легкие, выдержанные в сиреневых и бежевых тонах покрывала, пол покрывал красочный ковер. Такие же ковры, только размером поменьше, висели и над кроватями. Целое море цветов, горшочков разных мастей. И запах... запах дома. Запах женщины. Едва уловимый, но стойкий.

На тумбочке – двухкассетный магнитофон «Шарп».

Галина пропустила вперед офицеров, одетых в джинсы, фирменные майки и легкие туфли.

– Прошу, господа поручики, устраивайтесь. А я пока душ приму.

Достав из шкафа расписной восточный халат, широкое полотенце и кучу всевозможных тюбиков с шампунем, жидким мылом, кремами и так далее, она вышла из комнаты.

Листошин взглянул на друга:

– Ну, чего замер, Саня? Накрываем стол!

Калинин кивнул на дверь:

– Красивая!

– Еще бы! Других не держим!

– Так у тебя с ней давно?

– Полгода! Как подстрелили в феврале и я попал в хирургию, так и завелась любовь.

Галька с виду строгая, что ты! А в постели так заедит, что утром ноги трясутся и никакого похмелья, хотя приходится, чтобы форму не потерять, за ночь не меньше литра в себя влить. Вот какая баба!

Выставляя на стол бутылки, Александр спросил:

– А мне, как понимаю, соседка ее достанется?

Он указал на кровать справа.

– Наверное! Но точно сказать не могу. Прежняя, Лариска, в Союз недавно слиняла, а подселили к Гальке кого, нет ли, не знаю. Но без подруги не останешься! Это я тебе гарантирую.

Калинин тяжело вздохнул, что удивило боевого товарища:

– Ты чего вздыхаешь, как телок?

– Не знаю! Первый раз вот так-то!

– Ничего! Как завалишь красавицу в постель, все смущение пройдет. Ты только особо не церемонься. А то попадется капризная, начнет целку из себя строить, мол, она не такая, как все, порядочная, верящая в высокие чувства, и так далее, не слушай, бери силой. Потом увидишь, какая она скромная. После пары палок и увидишь!

В дверях показалась Галина. Воскликнула, глядя на стол:

– О, шампанское! Надеюсь, полусладкое?

Семен ответил:

– Конечно, Галь, я же знаю, что любит моя принцесса!

– Почему не королева?

– Королева звучит как-то старо! А ты у меня молодушка. Девочка хоть куда!

– Ладно, ловелас, поговорить ты умеешь, а шампанское поставь в морозильник.

Она перед зеркалом стала сушить феном волосы. Листошин убрал игристое вино в холодильник. Присел на кровать подруги, любуясь ее фигурой, которую не скрывал даже широкий халат. Закурил, бросив на стол пачку «Мальборо».

– Красивая ты, Галька!

– Нравлюсь?

– Не то слово. Я очарован тобой.

– Так женись, раз очарован. И будет очарование с тобой постоянно, а не раз в две-три недели, а то и реже!

– Так в расставаниях и вся прелесть, Галя! Вернее, в ожидании встречи. Вот я, когда духов на сопке у моста мочил, только и думал о том, как вновь увижу тебя. И у меня такое желание поднялось, не описать. А тут моджахеды. Ну, желание в злость и переросло. А злой я страшный. Для духов, конечно. Так что ты, Галя, не только жить, но побеждать помогаешь! Нет, вся прелесть как раз в ожидании встречи, ну и, естественно, в близости после ожидания.

Галина начала укладывать прическу:

– А ты не думаешь, Сеня, что пока ты кайфуешь в ожидании встречи со мной, я, не желая испытывать прелести разлуки, принимаю других кавалеров? А? Боевой мой гусар!

Листошин ответил категорично:

– Нет! Такой мысли я не допускаю.

– Это еще почему? Ты что, такой незаменимый?

– А что, нет? – В голосе Листошина зазвучали металлические нотки.

Чутко уловив изменение в настроении партнера и поняв, что слегка переиграла, Галина быстро выправила ситуацию:

– Эх, Семен, Семен! Неужели ты не видишь, что я шучу? Ты у меня единственный!

И тут же повернулась к мужчинам:

– Вот я и готова!

Семен спросил:

– Как насчет подруги для Саши?

– Она сейчас придет. Я уже с ней договорилась. Только приведет себя в порядок.

Листошин предложил:

– Ну что, тогда, может, по соточке?

Женщина удержала его:

– Да подожди ты. Закуску надо приготовить. У меня руки в креме, так что достань из холодильника овощи, сделай хоть салат, и коробку конфет вытащи под шампанское. Как закончишь, подойдет и девочка, вместе и начнем вечеринку.

Открыв холодильник, Листошин поинтересовался:

– Так, говоришь, девочка из новеньких?

– Да! Из новеньких!

– Вот, Саня, сливки и снимешь, если, конечно, эти сливки еще в Ташкенте не сняли.

Семен достал овощи, посмотрел на друга:

– А ты чего сидишь? Давай, присоединяйся, режь огурцы!

Галина подошла к Листошину и вдруг ни с того ни с сего вернулась к оконченному, казалось бы, разговору:

– Так как насчет женитьбы, Сеня?

– Галь! Ну, чего об этом говорить?

– А почему не поговорить? Если ты так привязан ко мне, почему не остаться со мной?

– У меня ребенок!

– И я тебе рожу ребенка!

Листошин явно чувствовал себя неловко. Но сумел сориентироваться и нашел выход из сложной ситуации, в которую его поставила любовница.

Он бросил нож на стол.

– Хорошо! Решено! Я женюсь на тебе! Но... сначала мне надо развестись. Так? Так! Значит, в первом же отпуске оформляю развод. Ты же, насколько знаю, скоро возвращаешься в

Союз. Как устроишься там, сообщишь свой адрес. Я, закончив дела, приеду к тебе. Там конкретно и решим вопрос о нашей семейной жизни!

Галина рассмеялась:

– Вывернулся, разведчик! И смотри, как ловко! Сообщи ему адрес, а он, разведясь, придет. Ага, жди, придет! Как же! Но все равно, Сеня, ты молодец. А насчет женитьбы не думай! Это я просто так сказала. Живи в семье, если вернешься из этой бойни. А я уж как-нибудь без тебя в Союзе!

В дверь постучали.

Галина обернулась:

– А вот и наша девочка. Так, ребята, бросили кухонные принадлежности, с дамой знакомиться будете! Заходи, Соня!

В комнату вошла девушка. Одета она была в джинсовую юбку и маечку, под которой торчком стояли не знающие бюстгалтера упругие груди. На плечи спускались светлые шелковистые волосы. Она тоже была красива. Но красотой, отличной от красоты Галины. Черты лица девушки были более правильные, и вообще от нее веяло чистотой и скромностью. Возможно, это была только внешняя оболочка. И Калинину, и Листошину уже встречались такие с виду ангелы, а внутри порождение дьявола. Но скоро все выяснится.

Она поздоровалась.

Офицеры ответили ей. Галя провела девушку к столу:

– Знакомься, Соня, вот это, – она указала на Листошина, – Семен, мой давний друг. А это, – она повернулась к Калинину, – Александр, друг Сени. Офицеры спецназа. Кстати, это они сражались в том страшном бою у моста, когда у нас все отделение заполнили. Это они спасли раненых, разбив душманов.

Девушка скромно произнесла:

– Соня! Очень приятно!

Галина спросила у любовника:

– Ну, Семен, стол готов?

– Какой разговор! Только салат маслом полей сама, а то я так налью, что никто есть не будет.

Старшая медсестра закончила сервировку стола и пригласила всех занять места. Стол поставили между кроватей. Женщины устроились на стульях, офицеры прямо на постелях.

Выставили шампанское.

Через полчаса обстановка сделалась непринужденной. Хотя Соня пила очень мало, ей и этого хватило, чтобы сбросить оковы первоначальной неловкости. Александр заметно захмелел и все чаще бросал откровенные взгляды на предназначенную ему подругу. Особенно его притягивали ее ноги. Красивые, стройные. Внутри воспыало желание.

Не терпелось, видно, и Семену с Галиной. Листошин налил дамам вина, мужикам водки. Возгласил тост:

– Ну что, дамы и господа! За любовь?

Галина воскликнула:

– За нее, родимую!

Выпили. Листошин взглянул на подругу:

– Как считаешь, любовь моя, не пора ли нам от разговоров перейти к делу?

– Самое время, дорогой!

Галина поднялась:

– Так, Саша и Соня, мы с Семеном удаляемся, а вы тут вдвоем продолжайте вечер. Стол можно просто сдвинуть, дверь лучше закрыть.

Посмотрела на Листошина:

– Подъем, спецназ!

– Какой разговор, красавица! К бою!

– Идем!

Семен с Галиной вышли из комнаты.

Александр спросил:

– Ты чего так мало пьешь?

– Не люблю!

– А что любишь?

– Станный вопрос!

– Действительно, мог бы и сам догадаться. Пересядь-ка на кровать, я стол на место поставлю.

Женщина подчинилась. Отодвинув стол к окну, отправив туда же стулья, хватив еще пятьдесят граммов, Калинин закрыл дверь на ключ. Выключил свет. Комната сразу же погрузилась в непроглядный мрак. Но ненадолго. Соня включила бра над кроватью. Александр присел рядом с ней. Он был пьян. И его переполняло желание овладеть такой близкой, доступной и привлекательной женщиной. Он обнял ее. Соня вздрогнула:

– Что ты хочешь делать?

Александр усмехнулся:

– А ты не знаешь? Не догадываешься?

– А если я не хочу?

– Аппетит приходит во время еды! Иди ко мне!

– Нет!

Но Калинин не слушал женщину.

Он рывком притянул ее к себе, закрыв губами ее губы. Она сжала их, но офицер сумел разжать. Рука скользнула под майку. Соня перехватила его руку, стараясь вырваться из объятий Калинина. Но тот уже ничего не соображал. Перед ним была цель, и нестерпимо хотелось достичь этой цели любым способом. Он рванул майку так, что она разошлась сверху донизу, обнажив груди медсестры. Александр вцепился в них, опрокинув голову женщины на подушку. Она вновь попыталась закрыться, но сильные руки легко отбили слабую защиту. Сорвав и с себя майку, Александр расстегнул джинсовую юбку медсестры. Она воскликнула:

– Немедленно прекрати! Я не хочу так! Буду кричать.

Но старший лейтенант уже стянул юбку вместе с трусиками, ответил, сглатывая слюну:

– Кричи, Сонечка, кричи. Хоть на весь Афган кричи. Ты будешь моей, и никто не остановит меня.

Сбросив и свои джинсы, рывком раздвинув ноги Сони, Александр грубо вошел в нее. Женщина вскрикнула от боли. Но предпринять что-либо против зверской страсти сильного мужчины уже не могла. А Калинин забыл обо всем на свете, овладев женским телом. Удовлетворился он быстро. Удар неземного наслаждения заставил его вскрикнуть. Затем он обессиленно отпустил партнершу, в изнеможении лег рядом с ней.

Успокоившись, поднялся, налил полный бокал водки, опрокинул в себя. Повернулся к медсестре. Та, соединив ноги и прикрыв груди, безучастно смотрела в потолок.

Александр спросил:

– Не понравилось?

Женщина промолчала.

– Ничего, это сначала так, быстро. Слишком долгим было воздержание. Сейчас отдохну немного, сделаю для тебя. У нас вся ночь впереди. А ты прекрасна, я такой кайф впервые получил.

Соня повернула к нему голову:

– Ты и дальше будешь насиловать меня?

Александр поставил бокал, закурил, подошел к кровати, совершенно не стесняясь ни своей, ни женской наготы:

– Я что-то не понимаю тебя, девонька! Ты когда шла сюда, не знала, зачем идешь?

Соня не ответила.

Александр, которому водка вновь ударила в голову, продолжил:

– Чего молчишь? Или, когда вербовалась в Афган, не знала, что придется ложиться под мужиков? Ты чего из себя правильную строишь? Для тебя секрет, что по ночам происходит в номерах вашей общаги? Кругом бордель, одна ты чистая? Ангелочек? Чего молчишь, спрашиваю?

– Отстань от меня, пожалуйста!

– Да? А может, уйти совсем?

– Я сама уйду!

– Нет, дорогуша, эту ночь ты будешь со мной! Или тебе со старшим лейтенантом в падлу любовью заниматься? Может, ты рассчитывала здесь какого-нибудь полковника зацепить? Чтобы он тебе за каждую палку бабки отстегивал? А потом в Союзе где-нибудь рядом с собой пристроил? Квартиркой обеспечил? За этим ты сюда перлась? Только учти, к полковнику ты пойдешь после меня!

Соня тихо произнесла:

– Ты со своей женой тоже так обращаешься?

– С женой, спрашиваешь, как обращаюсь? Нет, с ней я обращаюсь по-другому, хотя вы все одинаковые. И заслуживаете одинакового обращения. Все готовы подставить передок мужикам. И кончай базар. Я хочу тебя! Будь лучше ласковой, ведь ты тоже хочешь близости.

– Но не такой!

– Расслабься, и все будет нормально.

– Отпусти меня, а, Саша?

– Нет!

Калинин с силой, грубо вошел в женщину, перевернув ее на живот, и вновь испытал неведомое ранее наслаждение. В порыве страсти он целовал ее шею, плечи, спину. Но она по-прежнему оставалась холодной и безразличной. Хотя больше не сопротивлялась. Этот холод взбесил Калинина.

Он встал с нее. Перевернул на спину, схватил за подбородок:

– Что ты делаешь со мной? Ты же, сука, унижаешь меня. Ведь я чувствую, что тебе приятно, почему издеваешься?

Соня проговорила сквозь зубы:

– Я не хочу тебя видеть!

– Да? А придется!

Александр поднялся, вновь налил водки, выпил. Сел на кровать напротив, закурил, стряхивая пепел на ковер. Он пристально и пьяно смотрел на медсестру. Та все так же безучастно лежала, уставившись в потолок. Калинин почувствовал, что желание оставило его. Взамен в груди начала разрастаться ярость. Он встал, подошел к женщине:

– Тварь ты! Будь моя воля...

Договорить Александр не успел. В дверь постучались. Он крикнул:

– Кого там хрен несет?

– Это Галя, чего орешь-то? Открой!

Калинин открыл дверь. Мимо протиснулась растрепанная и почти голая хозяйка комнаты. Накинутый на плечи и распахнутый халат совершенно не скрывал ее наготы.

– Пардон, ребятки! Я на минутку! Водка у нас еще осталась?

И, не дожидаясь ответа, взяла со стола бутылку, объяснив:

– Сенечка у меня без допинга не справляется. А вы-то что?

Только сейчас Галина обратила внимание на состояние Александра и Сони.

– Поругались, что ли?

– Ты кого мне подсунула? Бревно бездушное?

Галина взглянула на подругу:

– Ты чего, Соня?

Та ответила кратко:

– Отстань!

Калинин показал пальцем на Соню:

– Вот видишь? Отстань, и мандец! Этой крале начальника большого подавай. Вот того она оближет с ног до головы и раскорячится по-любому, а старлей для нее грязь из-под ногтей! Расчетливая тварь!

Он вырвал из руки опешившей Галины бутылку, сорвал зубами пробку, выпил половину пузыря, вернул емкость партнерше Листошина:

– Семену и этого хватит!

Оглядевшись и увидев разбросанную одежду, Александр оделся. Кивнул на Соню, обращаясь к Галине:

– А этой суке кобеля с большими звездами подбери. Ты тут, наверное, со всеми переспала, знакомого имеешь. А то иссохнет дама. Неудовлетворенные амбиции гораздо опаснее неудовлетворенных желаний.

Галина, подбоченясь, сощурила глаза:

– А чего это ты, мальчонка, разошелся? Деловой, да? Баба не захотела с ним переспать! Значит, такой ты стебарь, что от тебя нормальные девки шарахаются!

Александр прикурил сигарету, пыхнув дымом в лицо Галины:

– Скройся, шалава!

И, оттолкнув ее в сторону так, что она завалилась на подругу, Калинин прошел к двери. На пороге обернулся, достал из кармана несколько чеков разного достоинства, бросил на женщин:

– Это тебе, Сонечка! Все же худо-бедно, но роль дырки ты сыграла. Глаза б мои вас не видели.

И вышел в коридор, захлопнув за собой дверь.

В фойе увидел за стойкой прежнюю женщину в форме прапорщика, в очках, листающую журнал. Спросил:

– Выход открыт?

Дежурная с удивлением спросила:

– Уже уходите?

Александр подошел к стойке, нагнулся к прапорщику:

– Ухожу, родная! Не понравилось мне в вашем борделе!

– Вы слова-то подбирайте, не знаю, кто по званию.

– Неважно. А слова я подбираю.

– Кто ж это так вас разочаровал?

– Какая разница?

– На новенькую налетели?

– И что?

Женщина усмехнулась и взглянула на офицера похотливо:

– А то, что все норовите на свежачок, а в итоге облом. Вот лично я такого орла, как вы, пригрела бы. Так, что обо всем на свете забыли бы!

– Так пригрей!

– Отчего нет? Вот только час подождать придется. Через час у меня отдых. Вон и комната отдыха, – дежурная указала на дверь в торце фойе, – будет желание, заходи! Приму, не пожалеешь!

Калинин вздохнул:

– Да! Бордель, он и есть бордель!

– Иди, протрезвись! А через час приходи! Да смотри, поаккуратней на улице, особо по городку не шатайся, лучше посиди где-нибудь на лавочке. Они как раз в сквере у лечебного корпуса имеются.

– Почему это мне нельзя по городку пройтись?

– Патруль после отбоя лютует. Наши, госпитальные, ерунда, а вот дивизионные, из комендантской роты – звери. Им главное план выполнить.

– Ладно. Так дверь открыта?

– Открыта!

– Пошел я!

– Так придешь через час-то?

– Посмотрим!

– Ну, смотри, смотри! Я буду ждать!

– Жди!

Калинин вышел из женского общежития. Немного отойдя, обернулся, взглянул на здание. В каждом окне горел свет. Неужели везде сношаются? Расслабился, мать его! Ну, Семен, будет еще разговор. Хотя при чем здесь Листошин? Он-то как раз и получает то, чего хотел. Александр вздохнул. Посмотрел по сторонам, пошел в сторону стоянки.

А в комнате, откуда следом за офицером спецназа выпорхнула Галина, женщина на кровати закрыла лицо руками и заплакала. Сначала тихо, слегка всхлипывая, потом громче. Затем перевернулась и, уткнувшись в подушку, зарыдала, содрокаясь всем телом. Старший лейтенант понравился ей. Сразу, как только увидела его. Но почему он с ней вот так, как с проституткой? Разве за этим она приехала сюда, в Афганистан? И неужели все мужчины будут смотреть на нее не как на порядочную женщину, а как на подзаборную шлюху, готовую продать себя за какие-то жалкие чеки? Слезы обиды душили ее. Никто не знал, почему она приехала в Афганистан. Свою историю она не рассказывала никому, скрывая боль внутри. Если бы Калинин знал все о ней, то наверняка вернулся бы. Чтобы попросить прощения. Но он ничего не знал. Как не знал и того, что в дальнейшем их судьбы пересекутся, слившись в одну. Одну на двоих! Но пока...

Калинин думал о другом. Странно, как быстро сегодня из него выходила водка. Только что, казалось, пьян был, а сейчас как бы и ни в одном глазу, только ноги не слушаются, заплетаются. Ничего, сейчас он устроится в БРДМ, до утра выспится, а дежурная пусть ждет. Ну ее к чертовой матери вместе со всей этой общагой. Подойдя к боевой машине, увидел сидящего у переднего правого колеса своего механика-водителя Зарубина. Тот, увидев командира, поднялся, одернув форму.

Калинин удивленно спросил:

– Ты чего тут торчишь?

Солдат замешкался.

Командир взвода повысил голос:

– Не слышу ответа, Зарубин!

Рядовой начал путано объясняться:

– Так... это... товарищ старший лейтенант... тут такое дело... баба одна молодая подвалила, из этих... медперсонала... ну и Гоги договорился с ней.

– Насчет чего договорился?

Рядовой опустил голову:

– Ну, что она нам обоим даст! Вот Гоги и пялит ее в машине. Уже полчаса!

Старший лейтенант плюнул на асфальт:

– И что ж это на свете происходит? А ну давай сюда Гоги с этой блядью! Я сейчас вас всех раком поставлю! Развели бардак! Уже в боевой машине стебуются!

Зарубин умоляюще взглянул на командира взвода:

– Товарищ старший лейтенант, не надо, а? Разрешите разочек? И так ни хрена, кроме гор да духов, не видим! А тут такой случай подвернулся. Очень вас прошу, товарищ старший лейтенант!

– Что, невтерпеж?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Хрен с вами, кобели! Но ты залезь внутрь, там слева за сиденьем фляжка. Вынеси мне ее, заодно Гоги поторопишь. А то он у нас парень горячий, так затопчет сестричку, тебе ловить нечего будет.

– Не затопчет! А выпить есть и у меня! Так что никуда лезть не надо.

Калинин удивился:

– У тебя откуда пойло?

– Да та же баба пузырь и дала! Сказала, выпей, силы наберись!

Александр сделал вывод:

– Тогда точно Гоги ее не затопчет! Ну, давай сюда пузырь. Спирт?

– Нет! Водка!

– Даже так? Еще лучше.

Забрав бутылку, старший лейтенант вспомнил о скамейках, о которых говорила дежурная по общежитию. Вышел со стоянки. Лечебный корпус находился впереди, перед ним неширокая лесополоса. «Тоже мне сквер», – подумал Калинин, направившись туда.

Скамейки оказались удобными. Широкими, со спинками. Александр присел на одну из них. Открыл бутылку, сделал два глубоких глотка. Отставив водку в сторону, задумчиво закурил. Все же эта Соня задела его. И задела тем, что не хотела близости с первым попавшимся мужиком. Он силой взял ее. Но чего она ждала, идя на вечеринку к этой бляди Гале? Тихой беседы о высоком искусстве за чашкой чая? Ведь Галка наверняка разложила перед Соней все карты. Иначе просто быть не могло. И та пошла! Пошла в общество неизвестных мужиков, у которых, и об этом она тоже не могла не знать, одно на уме – переспать с бабой, удовлетворить свои потребности.

Почему не отказалась? Не осталась в своей комнате? Значит, ждала близости. Может, рассчитывала на другое отношение? На всякие там ухаживания, выкрутасы с танцами, то есть на прелюдию? Но какая могла быть прелюдия после такого количества вина? И опять-таки она, еще тогда, когда заметила, что ее потенциальный партнер пьян и настроен агрессивно в плане секса, могла встать и уйти! И никто ее не удержал бы. Все обошлось бы без этой дикой и грязной случки! Хотя нельзя не отметить, удовольствие от близости с Соней Калинин получил неопишное. Такого он ни с женой, ни с женщинами, которые были до супруги, не испытывал. И это при том, что она, Соня, не подыгрывала ему. А если бы они вместе постепенно шли к оргазму? Какой же силы он мог стать? Старший лейтенант сделал еще пару глотков спиртного. Водка подействовала, в голове вновь зашумело. Закурив, он опять мысленно вернулся к Соне. Как только Александр начал срывать с нее одежду, та пригрозила, что закричит. Почему, видя, что ее намереваются насиловать, она все-таки не закричала, не позвала на помощь? Пожалела его? Бред! С чего ей жалеть насильника? Его привлекут к суду трибунала? Он же насильник, а значит, должен отвечать. Ее бы поняли и от нее отстали бы. Жила бы так, как хотела жить. Но она смолчала. Почему? Да потому, что боится прослыть недотрогой! Наверняка хочет зацепить какого-нибудь бугра из штаба. А тому капризная бабенка или недотрога не нужна. Тьфу, голова от всего этого разболелась.

Он допил бутылку, и тут спиртное ударило по мозгам так, что у Калинина окружающие предметы начали двоиться. Потянуло в сон. Вспомнилась дежурная из общаги, которая уже ждет его. Лежит, наверное, голая под простыней и думает, отдолбят ее сегодня или нет. Противно. Как же все противно.

Справа послышались шаги. Александр повернул голову в сторону этих приближающихся шагов. Увидел группу военнослужащих. Человек шесть, среди них один высокий, с красной повязкой на рукаве. Патруль. Принесло, мать его! Как раз кстати.

Патруль остановился у скамейки. Офицер представился:

– Начальник патруля лейтенант Петров. – И спросил: – Кто вы?

Калинин, закрыв один глаз, чтобы не двоилось, посмотрел на старшего. Им оказался молодой лейтенант в новенькой форме. Ответил:

– Старший лейтенант Калинин! Что еще?

– Ваши документы!

– А где «пожалуйста», лейтенант?

Но начальник патруля лишь повысил голос:

– Я сказал, ваши документы!

Александр вздохнул. Достал из заднего кармана джинсов удостоверение личности офицера.

– На, держи мои документы! Черт тебя принес со своим шалманом.

– Попрошу не выражаться, товарищ старший лейтенант. Мы при исполнении служебных обязанностей!

– Чего? При исполнении? Тебя, сосунок, в горы закинуть к духам, поглядел бы я, как ты исполнил бы свои служебные обязанности. Ну что, посмотрел документы? Отдавай назад и проваливай!

Молодой штабной лейтенант просмотрел удостоверение, но возвращать его не собирался.

– Ваша часть стоит в пятнадцати километрах отсюда. Как вы в это время оказались здесь?

Начальник патруля начал раздражать Калинина.

– Чего тебе надо? Прицепиться не к кому? Так возле общаги ряд столбов освещения стоит. Иди и вздрючь любой из них.

– Вы нарывааетесь на неприятности, товарищ старший лейтенант. Во-первых, вы пьяны, во-вторых, не желаете ответить начальнику патруля на его определенные Уставом вопросы...

За него продолжил Александр:

– А в-третьих, сосунок, шел бы ты на хер!

– Что? Оскорблять вздумали? Наряд, взять этого старшего лейтенанта.

Будь Калинин потрезвее, вряд ли шесть солдат смогли бы легко его повязать, но трезвый он и сам не допустил бы грубости. А сейчас что-либо изменить было поздно. Но командир взвода спецназа предупредил:

– Лейтенант, не подставляй бойцов, я не хочу кому-нибудь из них вывернуть челюсть!

– А вы попробуйте.

Начальник патруля обернулся к подчиненным:

– Что встали? Взять, сказал, этого вояку.

Солдаты двинулись на Калинина.

Александр двумя ударами отправил двоих патрульных в нокдаун, но большего сделать не смог. Тупой удар в затылок бросил его на асфальт. В глазах вспыхнул огонь, и все померкло.

Тащили его четверо. Впереди начальник караула. На гауптвахте лейтенанта встретил прапорщик – начальник местного караула:

– Кого это, Игорек, ты приволок?

– Слишком борзого старлея из разведбата! Спецназовца.

– Ты это серьезно?

– А что?

– А то, что эти ребята крутые, как бы чего потом не вышло.

Лейтенант надменно посмотрел на прапорщика:

– Что может выйти, Борисыч? И перед Уставом все равны! Тоже мне крутой! Если служит в разведбате, то ему все позволено?

Прапорщик перелистал удостоверение Калинина.

– Так! Командир взвода специальной разведки. Игорек, а знаешь, кого ты задержал?

– Знаю!

– А я думаю, не знаешь! Это взводный из роты спецназа, что недавно духов у блокпоста порвали и часть десантной роты спасли. Зря ты с ним так!

– Мне плевать на его заслуги. У каждого своя работа. Но дисциплину нарушать не позволено никому!

– Так-то оно так! Но...

Начальник не выдержал:

– Что «но», прапорщик? В камеру его! Утром пусть комендант разбирается!

Прапорщик заметил:

– У него лицо в крови, надо бы медиков вызвать!

– Это уже твое дело. Я тебе сдал клиента, ты его принял. Да не забудь замок на камеру повесить. Буйный он!

– Это само собой! Очнется, всю «губу» перевернет! Эти ребята долго не базарят.

– Да что ты одно и то же твердишь как попугай! Оприходуй его, и все дела. Супермен какой, о нем еще целую дискуссию разводить!

И лейтенант с патрулем вышел с территории гарнизонной гауптвахты.

Проводив взглядом лейтенанта, прапорщик пробурчал:

– Да, из тебя супермена, да что там супера, нормального офицера не получится точно!

Прапорщик с помощником уложили Калинина на кровать, вышли из камеры, закрыв на замок массивную дверь.

Прапорщик прошел в свою комнату. Набрал номер дежурной части госпиталя. Сообщил, что к нему доставили офицера с разбитым лицом. Врач сонно поинтересовался:

– Кровь идет?

– Нет вроде!

– Блует?

– Нет. Спит.

– Пьяный, что ли?

– Есть немного.

– Вот и пусть спит. Сон для него как раз то, что нужно, а утром пришлю сестру, посмотрит, что за раны у твоего офицера. Но если ему станет плохо, звони! Понял?

– Так что, мне возле камеры всю ночь сидеть?

– А вот это уже, прапорщик, твои проблемы, у меня своих хватает!

Дежурный врач положил трубку.

Прапорщик вызвал помощника:

– Вот что, сержант, как будешь караульного на «собачку» выводить (на пост перед караульным помещением), инструктируй, чтобы нет-нет да заглядывал в офицерский отсек гауптвахты.

– Для чего?

– Там, во второй камере – она одна обитаема и закрыта, – офицер находится. Надо смотреть за ним!

– Зачем?

– Ты что, плохо понимаешь? Смотреть за тем, как он чувствует себя. Начнет блевать, сразу доклад мне! Понял?

– Так точно!

– Иди!

Сержант, повернувшись, вышел из дежурки, совершенно не поняв смысла приказа начальника.

Утро для Калинина выдалось ужасным.

Проснулся он, как обычно, в 6.00 и увидел тесную камеру, полную мух, зарешеченное окошко, через которое и кот-то, наверное, выберется с большим трудом, да кованную железом дверь с совсем маленьким окошечком. Ясно, он на гауптвахте. Александр сразу вспомнил все! И вечер в женском общежитии, и Соню, и скандал сначала в самой общаге, а потом и в скверике у лавки. О последнем ему красноречиво напомнили заплывший, но видящий глаз и тупая боль в затылке. Калинин поднялся, посмотрел на себя в небольшое разбитое зеркало, которое, вопреки правилам, все же имелось в камере. Посмотрел и ужаснулся. Таким он себя еще никогда не видел. Левая часть лица, майка и правая штанина джинсов в крови, над правой бровью открытая широкая рана, глаз – фиолетово-красный комок. Волосы взъерошены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.